

Андрей Троицкий

награда для

ИУДЫ

РУССКИЙ ПРОЕКТ®

Андрей Троицкий
Награда для Иуды

«Андрей Троицкий»

Троицкий А. Б.

Награда для Иуды / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий»,

Сотрудника страховой фирмы «Каменный мост», бывшего майора ФСБ Олега Мальгина начальство втягивает его в темную аферу. Нужно вытащить с зоны мошенника, который «обул» фирму на два «лимона» баксов, найти тайник на кладбище, где спрятаны украденные деньги, и дело с концом. Но тайник оказался с сюрпризом: в момент его вскрытия прогремел взрыв, погибли люди. А сам Мальгин оказался на крючке у прокуратуры. Чудом оставшись в живых, он ищет убийц своих друзей. Враги рядом, но, чтобы понять это, герою предстоит пройти длинный и опасный путь. Выбора нет: или самому, рискуя жизнью, докопаться до правды или погибнуть. Жестокая схватка с бандитами и предателями неизбежна. Классика жанра, крутое действие с начала до конца.

© Троицкий А. Б.

© Андрей Троицкий

Содержание

Часть первая. Путешествие вокруг смерти	5
Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	33
Глава пятая	41
Глава шестая	49
Глава седьмая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Троицкий

Награда для Иуды

Часть первая. Путешествие вокруг смерти

Пролог

В дверь с табличкой "Начальник службы безопасности страховой компании «Каменный мост» постучали. Порог переступил среднего роста плотный господин лет пятидесяти, одетый так, будто он возвращался с торжественного мероприятия или с похорон. Темный костюм, светлая рубашка и черный галстук. Лицо человека было печальным, бескровные губы поджаты, а брови нахмурены. Остановившись на пороге, человек переложил из руки в руку тощий портфель, провел ладонью по черным с проседью волосам и перевел взгляд с одного письменного стола на другой.

– Моя фамилия Караваев, – сказал человек и кашлянул в кулак, ожидая ответа.

В кабинете помимо начальника службы безопасности Николая Елисеева, уже знакомого Караваеву, находился еще один человек, представительный мужчина лет сорока. Человек развалился в кресле за письменным столом, закинул ногу на ногу и ковырялся в зубах заточенной спичкой.

– А меня зовут Олег Мальгин, – незнакомец поднялся на ноги, не протянув руки посетителю, показал пальцем на стул.

– Значит, вы мне и нужны.

– Я заместитель начальника службы безопасности страховой компании, – сказал Мальгин. – Наш разговор, надеюсь, надолго вас не задержит. Присаживайтесь. Хотите чаю?

– Спасибо. Хочу положить в этот портфель страховое возмещение.

Караваев занял предложенное место, положив на колени портфель, оглянулся назад, словно ожидал поддержки от Елисеева. Но тот, опустив голову, сосредоточено слюнявил палец, перебирая какие-то казенные бумажки.

– Тут какое-то недоразумение, – сказал посетитель. – Сегодня я должен был получить страховое возмещение. Руководитель компании сам назначил мне день и час, когда я смогу забрать деньги. Я прихожу в его приемную, но секретарь сообщает, что мое дело откладывается. Дескать, сначала я должен ответить на какие-то вопросы в службе безопасности, поговорить с Мальгиным. И вот я здесь.

– Не волнуйтесь.

– Я уже устал волноваться. Я уже отвечал на все вопросы. Мне их задавали в милиции, в прокуратуре, наконец, я несколько раз беседовал с вашим непосредственным начальником, – посетитель повернулся и показал пальцем на Елисеева, продолжавшего копать в бумажках. – Знаете, это ни на что не похоже. Моя молодая жена погибла, я потерял дорогую яхту. Все это случилось три месяца назад, но я до сих пор околачиваю пороги вашей конторы и не могу получить и копеечной компенсации.

– Я знаю, – кивнул Мальгин. – Послушайте...

Но Караваев не хотел слушать. Он с чувством хлопнул ладонью по портфелю.

– Жизнь моей жены застрахована. Также как и яхта на случай возможного уничтожения или повреждения. Все документы я четвертый месяц ношу с собой. Смерть молодой женщины. Потеря яхты, в которую я вбухал целое состояние. Вам этого мало? Если бы я знал, что страхование жизни и имущества обернется такой бюрократической казуистикой, чистым издева-

тельством над человеком, пережившим страшное чудовищное горе, то обратился бы в другую фирму. На пушечный выстрел не подошел бы к вашей, простите за выражение, шарашке.

– Я попросил вас успокоиться.

Но Караваев, кажется, разошелся ни на шутку.

– Я только и делаю, что хожу из кабинета в кабинет. Отвечаю на idiotские унижительные для человеческого достоинства вопросы. Я заработал гипертонию, гастрит и еще сто одну хроническую болезнь. Но конца моим мучениям не видно. Вы хотите положить меня в могилу рядом с покойной женой. И вместо компенсации в семьсот пятьдесят тысяч долларов выделить мне венки с лентой и бумажными цветами. Хотите дешево отделаться. Так?

– Не совсем.

– Ах, не совсем? – щеки Караваева налились краской, бескровные губы порозовели. – Я деловой человек, крупный бизнесмен и мне некогда заниматься ерундой. Я не желаю больше унижаться перед каждым клерком. Но если вы упорствуете... Тогда я вот что скажу: в этой стране еще существует суд, куда я и отправлюсь. Если я сегодня же не получу...

Мальгин не перебивал собеседника, постукивал кончиком ручки о столешницу он дожидаясь, когда Караваев выпустит пар. Действительно в последних числах мая Караваев вместе с супругой вышел на своей новенькой яхте «Оникс» в Истринского водохранилища. Погода стояла паршивая, шел дождь, с берега дул крепкий ветер. В девятом часу вечера Караваев, услышав по радио, что ожидается дальнейшее ухудшение погоды, развернул «Оникс», спустил парус, включил дизельный двигатель и взял курс к берегу. Быстро темнело, небо до самого горизонта заволочили тяжелые грозовые тучи. Караваев велел жене Зое спуститься вниз, в каюту, а сам остался в рубке.

Когда до берега оставалось полторы мили, яхта на полном ходу столкнулась с плавающим на поверхности водохранилища бревном. Удар был такой силы, что Караваев, отлетел от руля, ударился затылком о заднюю стену рубки и потерял сознание. Когда он пришел в себя посуда уже шла ко дну. Двигатель заглох, проникнуть в нижнюю каюту, где оставалась жена, не было возможности. В радиостанцию попала вода, и она не подавала признаков жизни. Яхта дала деферент и погружалась на дно. Караваев успел лишь натянуть спасательный жилет. Следующие несколько часов он отчаянно боролся с волнами, плыл к берегу, ориентируясь на прибрежные огни.

Яхту подняли со дна водохранилища спустя месяц после катастрофы. Караваев похоронил жену, прошел двухнедельный курс реабилитации у психиатра, отдохнул в подмосковном санатории и готовился получить страховую премию в размере семьсот пятидесяти тысяч долларов. Но ожидание затягивалось.

– Прошу прощения, – сказал Мальгин, дождавшись, когда Караваев выговорится. – Хочу объяснить, почему возникла задержка с выплатой страхового возмещения. Милиции и прокуратуре глубоко плевать на вашу яхту, а смерть жены для них – очередной несчастный случай на воде. Поэтому уголовное дело по факту гибели Зои Михайловны Потаповой, двадцати четырех лет, уроженки города Красная Поляна Краснодарского края, быстро закрыли. Но «Каменный мост» – частная страховая компания, здесь знают счет деньгам. Мы провели несколько независимых, весьма дорогостоящих экспертиз. Привлекли именитых специалистов. Результаты исследований изменили ситуацию.

– Что вы имеете в виду? – помрачнел Караваев.

– Яхта была построена из негодного материала. В частности, использовали клееную фанеру толщиной в ноль четыре сантиметра. А также...

– Значит, подрядчик меня бессовестно обманул. Но ведь это не меняет сути дела. Ваши специалисты перед тем, как оформить договор страхования, долго осматривали «Оникс» и убедились, что это настоящая яхта, а не ржавое корыто.

Мальгин не стал возражать.

– Далее. Эксперты утверждают, что пробоина в корпусе была сделана не плавучим бревном. А металлическим предметом. Например, кувалдой. В корпусе яхты сохранились микро-частицы металла и ржавчины. У меня на руках акт экспертизы.

– Чушь. Это ни о чем не говорит. Плавающее бревно – это версия следствия. Яхту могла протаранить и моторная лодка. Ничего не имею против. Какие-нибудь отморозки из хулиганских побуждений могли...

На этот раз не дослушал Мальгин.

– На похороны жены вы не вызвали ее мать и сестру. Вы сообщили матери о смерти Зои только после того, как кремировали труп. Странно, не правда ли?

– К чему вы клоните?

– Наш сотрудник срезал несколько волосков с головы вашей жены. На средства «Каменного моста» мы провели генетическую экспертизу, специалисты пришли к выводу, что утонувшая женщина – не Зоя Потапова. Вероятность ошибки экспертов одна десятая процента. Вот копия экспертного заключения. Посмотрите, кто подписал документ. Доктора наук, ведущие специалисты в своей области.

Мальгин положил на стол несколько листов бумаги и фотографии. Караваев даже ухом не повел.

– На этот раз ваши спецы ошиблись, – он покачал головой. – Кроме того, вы не имели права проводить подобные следственные действия. Этим занимается прокуратура и милиция.

– У прокуратуры нет денег на генетическую экспертизу. Мы заплатили за исследование около пяти тысяч долларов. Прокурору было достаточно того, что вы опознали труп. Им хотелось поскорее закрыть дело.

– А вам не хотелось платить компенсацию? – усмехнулся Караваев.

– Мы не платим денег аферистам.

– Выбирайте выражения.

– Ваше предприятие обанкротилось полгода назад. Но вы решили, что дела можно поправить. Спешно достроили яхту «Оникс» из негодного дешевого материала, через туристическую фирму достали подложный загранпаспорт паспорт для супруги. Затем свели знакомство с женщиной легкого поведения, внешне напоминавшей Зою Михайловну. Вы пригласили дамочку отдохнуть на яхте. Подпоив ее шампанским, в который подмешали клофелин, заперли ее в каюте. Затем проббили кувалдой дыру в обшивке ниже ватерлинии. Надели спасательный жилет, прыгнув за борт, наблюдали, как яхта идет ко дну.

– Вы бредите. Остудите голову. Вы больной человек.

– Накануне «кораблекрушения» ваша супруга выехала в Болгарию, в Варну. Где она и проживает по сей день в гостинице «Гастоф». Перед отъездом вы запретили Зое звонить вам или писать письма. Но она все-таки прислала несколько открыток на адрес своей близкой подруги, чтобы та передала весточки вам. Но одна из таких открыток со штемпелем гостиницы «Гастоф» совершенно случайно попала к нам. Я съездил на пару дней в те края, в Варну, и сделал вот эти снимки.

– Вы шпионили за мной и подругой жены?

Мальгин достал из ящика и веером разложил фотографии девицы с крашеными светлыми волосами.

– Ваша жена неплохо выглядит. Ну, для утопленницы. Кстати, в солнечной Болгарии у нее появились поклонники. Зоя и один чернявый молодой человек тот, что на снимке, наверняка размышляют над проблемой: как потратить ваши деньги. С чем вас и поздравляю. Впрочем, все это уже не имеет значения. Результаты экспертиз, фотографии вашей супруги и другие материалы мы передали куда следует. У прокуратуры возникнет к вам много вопросов. То есть уже возникли.

– Это провокация, – прошипел Караваев. – Я найду на вас управу. Вы ответите...

Он медленно поднялся со стула, вышел из кабинета, хлопнув дверью.

– Ну, блин, ты его уделал, – впервые подал голос Николай Елисеев. – Высший пилотаж. Сколько лет ты проработал в ФСБ?

– Кажется, всю жизнь.

– Видна школа спецслужбы.

Он встал с кресла, подошел к окну и поднял жалюзи. Мальгин встал рядом, у подоконника. С этой позиции было видно, как Караваев вышел из подъезда и, опустив голову, медленно поплелся по тротуару. Из светлой «Волги» выбрались два мужчины в штатском и преградили ему путь. Один мужчина предъявил удостоверение сотрудника милиции. Второй подхватил клиента под локоть и помог забраться на заднее сидение. Машина сорвалась с места и умчалась.

– Все, – вздохнул Елисеев. – А ты свободен до завтрашнего вечера. Отдыхай. И помни, какой завтра день. День ценою в два миллиона долларов.

– Я помню, – ответил Мальгин. – Кстати, мне не мешает выспаться.

– Тогда шагом марш.

Глава первая

Не доехав двух кварталов до нужного места, Олег Мальгин, решив размять ноги, попросил водителя остановить машину, расплатился и, выбравшись из такси, зашагал по тротуару.

Московская окраина, застроенная домами, давно не знавшими ремонта, укрытая кровнями старых тополей, тонула в густом фиолетовом мареве августовского вечера, обещавшего теплый дождь. Мальгин свернул в узкую арку, остановился прикурить сигарету, чиркнул спичкой. Спичка сломалась. Этой секундой промедления воспользовался огромный черный кот, хозяин здешних помоек и убийца раскормленных голубей, кот возник у выхода из арки, остановился, глянул на чужака красными светящимися глазами, недобрыми, какими-то безжизненными, и побежал дальше, забыв о существовании человека, которому только что перебежал дорогу. Мальгин и не подумал повернуть обратно, добраться до места другим маршрутом. Выдохнув табачный дым, он продолжил путь.

В свои сорок лет Мальгин окончательно перестал верить в вещие сны, плохие приметы и черных котов, якобы приносящих несчастье. Правда, сегодня случай особый, вечером, буквально через пару часов, предстояло авантюрное и весьма рискованное дело, которое при неудачном стечении обстоятельств могло закончиться плохо, то ли тюрьмой, то ли чем похуже.

* * *

Чувство близкой опасности, для определения которой не подходило ни одно из человеческих слов, терзало душу со вчерашнего вечера. Мальгин плохо спал ночью, беспокойно ворочался и просыпался то от воя милицейской сирены за окном, то скрипа пружин дивана. Поднявшись чуть свет, вышел на балкон, но роскошное летнее утро, заполненное солнцем и светом, не принесло душевного успокоения. Чтобы не маяться неопределенностью, он решил начать ежедневную пятикилометровую пробежку на час раньше обычного. Переодевшись в майку без рукавов, кроссовки и спортивные штаны, вышел в прихожую, присев на корточки, расстегнул рюкзак из прочной синтетической ткани, засунул руку внутрь и на ощупь пересчитал кирпичи, лежавшие один на другом: шесть штук.

Мальгин полез под галошницы, вытащил из-под нее один кирпич, сунув его в рюкзак, крепко затянул тесемки и застегнул клапан. Можно начинать. Он рывком взвалил на себя рюкзак, пристроив его так, чтобы кирпичи не давили спину, а широкие лямки на поролоне не натирали плечи до кровавых волдырей. Все неосознанные страхи, недобрые предчувствия и прочая белиберда выйдет из него вместе с потом во время пробежки.

Через пару часов Мальгин, принял душ, накинул халат и, развалившись в кресле, сунул нос в газету, но чуть не умер от тоски, дойдя до раздела биржевых новостей. Тогда он врубил телек и стал тупо пялиться в экран, прикидывая, как безболезненно и незаметно скоротать томительные часы ожидания, отделявшие его от сегодняшнего вечера, но так и не придумал ничего толкового. «Скорей бы все кончилось», – сказал вслух Мальгин. Никто не ответил, потому что отвечать было не кому.

После полудня позвонил начальник службы безопасности страховой компании «Каменный город» Николай Елисеев и спросил, как дела. «Жду вечера, – честно ответил Мальгин. – Лезет в голову всякое дерьмо... Впрочем, это не имеет значения». «Приезжай на час позже, – сказал Елисеев. – В девять слишком светло для такого дела. Выедем на место в десять или одиннадцать. Как стемнеет. А пока развлеки себя чем-нибудь. Не пей. Будь хорошим мальчиком. Лады?» Поле разговора с начальником на душе сделалось совсем гадко. Мальгин положил трубку и вспомнил, что за последние два дня ни разу не прослушивал сообщений, записанных на автоответчик. Он нажал кнопку «пуск».

Женский голос, тонкий, злой с металлической ноткой. Это Лена, недавнее увлечение Мальгина, нахальная глазастая деваха с неярко выраженной талией. Романчик, который остался рядовой любовной победой, так и не переродился в искренне чувство: «Это я, – Лена взяла драматическую паузу, словно давала Мальгину время на осмысление этого веского заявления. – Немедленно сними трубку... Ладно, как хочешь. Но предупреждаю: это мой последний звонок. От тебя ни слуху, ни духу уже неделю. Если ты завел себе какую-нибудь молоденькую потаскушку из кабака... Что ж, мог бы просто поставить меня в известность. Хотя ты последняя свинья, я как-нибудь переживу измену. Черт побери, как мне все это надоело. Я выпрашиваю у тебя эти свидания, будто мне это одной нужно. Выпрашиваю, как милостыню. Позвони. Нет... Не звони. Пошел к черту. Пошел ты...» Дальше одни ругательства. Острая на язычок дама.

«Олег, это я, – Мальгин узнал голос бывшей жены Насти, с которой оформил развод два года назад. – Я, как всегда, насчет алиментов. Между прочим, деньги ты платишь не лично мне, а нашему ребенку. Жду неделю, потом подам в суд, раз по-хорошему ты не хочешь».

После щелчка и коротких гудков прорезался мужской голос, вкрадчивый и тихий, так разговаривают люди, которые ни на что хорошее в жизни уже не рассчитывают, не ждут подарков судьбы: «Это я, Гога. Напоминаю насчет твоего долга. Ты брал до конца мая, но уже начало августа. Возможно триста баксов для тебя деньги небольшие, о них и забыть можно. Но у меня сейчас проблемы. Только забрал машину из ремонта. Поэтому...» Мальгин выключил автоответчик. Все одно и то же, слушать тошно: и месяц назад, и на прошлой неделе те же люди напоминали о долгах, а одна дамочка с бешеным упрямством напрашивались в гости.

Платить алименты и раздавать долги с тех жалких копеек, что в последние четыре месяца он получал на службе в страховой компании «Каменный город», значит, обречь себя на голодную смерть. Дела у фирмы идут плохо, хуже некуда. Но другой, денежной работы все равно не подворачивается. Остается надеяться, что лучшие времена наступят не сегодня, так завтра.

Мальгин подумал, что если вечером все выгорит, пройдет, как задумано, он сможет получить хорошие премиальные и расслабиться. Недели три не бегать по парку с кирпичами в рюкзаке, не тягать штангу, не ходить на работу в страховую компанию, а пожить простой обывательской жизнью в свое удовольствие: встретить бархатный сезон на море, завести новую интрижку и даже, чем черт не шутит, заплатить кое-какие долги, которых по мелочи накопилось столько, что страшно считать. Чистая астрономия. Но в удачный исход дела мешало поверить все тоже проклятое предчувствие большой неотвратимой беды. Беды, которую невозможно предупредить, потому что в ход событий, заранее расписанных, Мальгин не может вмешаться. Не он принимает решения. Ход сделан. И поворачивать поздно.

* * *

...Неторопливо Мальгин пересек двор, украшенный детской песочницей, загаженной бродячими собаками, кинул взгляд на качели с оторванным сидением и кривыми стойками, искореженными какой-то совершенно нечеловеческой силой. Ветер поднимал сухую пыль, которая щекотала нос и скрипела на зубах. Через минуту он попал в соседний двор, оккупированный старухами, возле помойных баков повернул налево, сделал еще несколько замысловатых виражей, пока наконец не оказался в темном подъезде без лифта. Шагая через ступеньку, поднялся наверх, остановившись на лестничной площадке третьего этажа, утопил пальцем кнопку звонка: два коротких сигнала и два длинных. Дверь открыли без спроса.

Мальгин вошел в тесную прихожую, потрянул руку Николая Елисеева, звонившего с утра, свернул в кухню. Открутив вентиль, долго пил из крана воду, отдающую ржавчиной и хлоркой. Утолив жажду, расстегнул пиджак, поправил рукоятку пистолета в подплечной кобуре. Эта съемная запущенная квартира пропахла не домашним уютом, а пылью веков, крысами и

беспросветно бедностью. Старуха хозяйка, получив деньги вперед, исчезла, как бестелесное привидение, пообещав не напоминать о своем существовании в обозримом будущем.

Елисеев, спортивный мужчина лет тридцати с небольшим, стоял у окна и смотрел, как разгулявшийся ветер срывает со старого тополя первые желтые листья, а в дальнем сквере зажигают фонари. Он был сосредоточен на каких-то своих мыслях но, кажется, не разделял дурные предчувствия Мальгина.

– Как наш клиент? – Мальгин плотно закрыл дверь на кухню и сел к столу.

– Спокон. Как удав, сожравший кролика. Твердит, что скоро станет свободным человеком.

– Значит, никакой агрессии, никаких фокусов?

– Ничего такого.

– Не нравится мне все это, – Мальгин вытянул ноги под столом.

– А мне, думаешь, нравится? Витя Барбер обул нашу фирму на два лимона баксов. И это мне, руководителю службы безопасности, должно нравиться? Генеральный директор «Каменного города», как тебе известно, мой родной брат. Считай, Барбер вытащил деньги из нашего семейного кармана. Но теперь этот малый сидит в соседней комнате, пристегнутый цепью к двухпудовой гире. И он просто-таки мечтает вернуть бабки, чтобы остаться в живых. Другого шанса спасти шкуру у него не будет.

– А если он гонит порожняк?

– Хренота, – Елисеев продолжал смотреть в окно. Ветер разошелся не на шутку, на быстро темнеющее небо надвигались низкие грозовые тучи. – Барбер не лох с трех вокзалов. Он понимает, с кем имеет дело. Кого он кинул, сука, кого опустил на деньги, он все знает. Его шанс, его единственный счастливый билет – выложить баксы. Иначе... Витя Барбер представляет себе, какой смертью умрет. Я все объяснил ему доходчиво: спущу шкуру, с еще живого.

– Я не об этом хотел сказать. Не о двух лимонах. И не о Барбере. Я думал о нашем деле. Понимаешь, все это слишком сложно, слишком запутано, чтобы оказаться правдой.

– Не понял? – Елисеев оторвал взгляд от окна и сверху вниз посмотрел на Мальгина.

– Вопрос первый: почему украденные деньги Барбер, как он утверждает, зарыл на старом кладбище, возле какого-то склепа, то есть надгробья плачущей девы? Ну, ты бы так поступил на его месте? Почему он просто не абонировал банковскую ячейку? Заключить договор и оплатить услугу на несколько лет вперед – это проще и надежней.

– Чушь. Закопать баксы на кладбище – предосторожность разумного, тертого жизнью человека. Банк может лопнуть, как мыльный пузырь. И банковские аферисты, которым счета нет, перед тем, как смыться за бугор с деньгами вкладчиков, выгребут все бабки и ценности из ячеек. Таких случаев множество. Друзей в изначальном значении этого слова у Вити Барбера нет. Женщин он покупал. Ни одной близкой души. Значит, некому оставить бабки, некому доверить свое состояние. А старое кладбище отличное место. Там нет новых захоронений, старые могилы, тем более склепы, редко посещают родственники.

– Возможно, – кивнул Мальгин. – Но почему тогда он не объяснит нам, где именно закопал свой чемодан?

– Слушай, мы все это уже обсуждали. Чемодан закопан возле старинного надгробия, на котором установлена выбитая из гранита плачущая дева. На кладбище четырнадцать гранитных дев, я сам их пересчитал. Но если побродить там весь световой день, пожалуй, найдешь еще десяток похожих надгробий. Надпись на цоколе то ли стерта, то ли ее вовсе не было. Ведь Барбер берется показать на все на месте. У него хорошая зрительная память. Конечно, он сукин сын, последняя сволочь. И наверняка привирает по мелочи. Но ведь принципиально это ничего не меняет. Поедет Барбер с нами или мы, перекопав всех каменных дев, сами найдем деньги... Какая разница?

– И все-таки... Я не знаю, что он придумал, но...

– Заткнись... Все... Слушать не хочу, – Елисеев взмахнул руками, видимо, он переволновался, на щеках проступили болезненные пятна румянца. – Мы вытащили Барбера с края земли, выудили его, откуда люди назад вообще не возвращаются или возвращаются инвалидами. Только затем, чтобы подохнуть на воле под забором. Из самого ада его достали. Слепили ксиву, привезли в Москву, поселили на этой чертовой хате. На это ушло три долгих месяца. Мы рисковали, мы играли ва-банк. И теперь в последний день, в последний час, когда решается все, ты пускаешь сопли ручьем и задаешь идиотические вопросы? Раньше ты не мог этого сделать? Ну, придумать какой-нибудь умный вопрос?

– Ночь, кладбище... Не нравится мне...

– Какой ты нежный. А когда прикажешь копать? Срежь бела дня явиться на погост и объяснить сторожам, мол, как и так, мы тут грешным делом пару лимонов закопали. И теперь хотим разворотить один памятник и забрать бабки. Только представ эту сцену... Забавно.

Мальгин скомкал бумажную салфетку и промолчал. Елисеев сел к столу, поставил локти на столешницу и, уперев подбородок в сжатые кулаки, внимательно посмотрел в глаза собеседника. Молчание длилось минуту.

– Если ты струсил, скажи сейчас. Я еще успею найти человека на твое место. Скажи. Я ни в чем тебя не упрекну. Струсить может любой. Просто минутная слабость. Я все пойму.

– Я все сделаю, как надо, – Мальгин покачал головой. – Я не струсил.

– Тогда давай начинать.

Елисеев полез в карман и положил на стол ключи от наручников.

* * *

Мальгин вышел из кухни в коридор, свернул в проходную комнату. На разложенном диване валялся сослуживец Мальгина Юрий Агапов. Подняв здоровую ручищу, помахал лапой гостью и протер глаза.

– Вставай, – сказал Мальгин. – Подгоняй машину. Мы выезжаем.

Широко распахнув пасть, Агапов зевнул, поднялся с дивана, сунул руки в рукава пиджака и, засунув пистолет под брючный ремень, пошел на выход. Мальгин распахнул дверь спальни. На железной кровати, застеленной пледом, сидел мужчина, в трусах и майке без рукавов. Темно короткие каштановые волосы, лицо мужественное. Нос с горбинкой, тяжелый подбородок с ямочкой посередине. Мужчину звали Виктором Барбером. Слюнявя палец, он переворачивал страницы глянцевого журнала, делая вид, что увлечен этим занятием.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался Барбер и даже растянул губы в улыбке. – Как дела?

Мальгин, оставив вопрос без ответа, смотрел на пленника. К голени правой ноги наручниками пристегнули толстую короткую цепь, другой конец которой еще одной парой браслетов пристегнули к ручке двухпудовой гири. На ночь Барбера пристегивали цепью трубе центрального отопления, но днем позволяли некие вольности, например, свободу передвижения по квартире. Пристегнутый к гире Барбер, позвякивая цепью и таская в правой руке два пуда чугуна, мог без сопровождения пить чай на кухне, пускать сигаретный дым в открытое окно, ходить в туалет и ванную комнату. Правда, дверь в сортир всегда должна оставаться распахнутой. В квартире днем и ночью, сменяя друг друга, присутствовали два вооруженных охранника, готовые, случись что, пустить пулю между глаз своего пленника. Поэтому шансы Барбера, оказав сопротивление, вырваться из мышеловки, были ничтожны.

Распахнув дверцу шкафа, Мальгин достал стопку чистого белья и рубашку, снял с вешалки легкую куртку и положил вещи на кровать. Присев на корточки, сунул ключ в скважину наручников, и расстегнул браслеты, оставившие багровый след на щиколотке Барбера.

– Шевелись, Витя, – приказал Мальгин.

Барбер поднялся на ноги и начал одеваться. Он неторопливо застегивал пуговицы рубашки, долго разглядывал этикетку, пришитую к ветровке. Видимо, он остался доволен качеством одежды.

– Неплохие вещи, – вздохнул Барбер. – Я фирменных шмоток не видел уже...

– И слушай сюда, – Мальгин сделал шаг вперед. – Хочу, чтобы ты кое-то намотал на ус. Запомни... Если там, на кладбище, что-то пойдет не так, что-то сорвется, ну, ты обосрешься, забудешь место, где спрятаны бабки или что-то в этом роде, – умрешь первым. Я не промахнусь, потому что не промахиваюсь, если хочу попасть в яблочко. Любая пометка, самая незначительная, – и ты готов.

– Если я умру раньше времени, вы ничего не получите. Даже если перекопаете все кладбище.

– Ты знаешь, о чем я говорю.

Барбер смотрел на собеседника ясными глазами. Этот безмятежный спокойный взгляд уже не в первый раз приводил Мальгина в тихое бешенство. Он выставил вперед руку, ухватил горло Барбера, слегка сжал пальцы.

– Поторапливайся.

* * *

Старое кладбище в районе Лефортова западной стороной граничило с кочковатым замусоренным пустырем, похожим на свалку. Зарядивший дождь, кажется, не собирался заканчиваться. Ветер, разгулявшийся под вечер, стих и здесь, в низине, накапливался серый туман. Накрыв тяжелым облаком пустошь, туманное облако слоилось, словно табачный дым в прокуренном шалмане, и медленно поднималось вверх к кладбищенскому забору.

Сидевший за рулем Агапов остановил машину на обочине, заехав двумя колесами на тротуар, выключил фары и габаритные огни. Барбар сидел на заднем сидении, зажатый с двух сторон плечами Мальгина и Елисеева. Половина первого ночи. Вокруг ни единой души, редкие уличные фонари светят приглушенным желтым светом.

Летом ворота, расположенные с двух сторон кладбища, сторожа запирают около десяти вечера, затем отвязывают собак и начинают последний обход территории. Случается, вытряхивают на улицу бомжей, облюбовавших для ночлега скамейки и могильные плиты из ракушечника, в теплое время года попадают бесприютные парочки, которые утоляют любовную страсть в уединенных местах за могильными крестами. Но в такую погоду как сегодня у сторожей работы немного: под проливным дождем ни любовников, ни бомжей на кладбище не встретишь. А сторожа давно заперлись в своей будке возле главных ворот и, по обыкновению разделив две бутылки на четверых, готовились отойти ко сну. Мальгин дважды бывал на кладбище, кажется, прошагал все его тропинки, побродил по пустырю и даже выпил пива с кладбищенским рабочим, выудив из него кое-какую полезную информацию. Но сейчас, дождливой ночью, исхоженный пустырь казался местом совершенно незнакомым и враждебным человеку.

Мальгин открыл багажник машины, вытащил из него и передал Агапову две лопаты, перевязанные бечевкой и обмотанные упаковочной бумагой, и пару фонарей, обтер ветошью шестикилограммовый лом в пятнах ржавчины.

– Погодка как по заказу, – сказал Елисеев и взял второй фонарик.

– Лучше не бывает, – сказал Мальгин.

Знакомой тропинки, которая вела от асфальтовой дороги к кладбищенскому забору, почему-то не нашли. Двинулись гуськом наискосок через пустырь. Первым неторопливо, боясь оступиться в грязи, шел Агапов, светя под ноги фонарем, за ним шагал Елисеев, взвалив на плечо лопаты, следом Барбер, которого заковали в наручники. Шествие замыкал Мальгин, он нес лом, перекладывая инструмент из руки в руку. Ботинки скользили по скользкой траве,

хлопали в лужах. Барбер дважды падал, отталкивался от земли руками, скованными браслетами, и, матерясь, вставал на ноги. Мальгин останавливался, помогая пленнику подняться.

– Сними браслеты, – оглянувшись за спину, попросил Барбер. – Я ведь никуда не убегу. Здесь открытое место. Еще раз упаду и сломаю руки.

– Сниму, когда пересчитаю деньги, – Мальгин подтолкнул пленника в спину. – Шевелись.

Когда дошли до забора, собранного из бетонных плит, облупившихся, старых, повернули налево. Барбер внимательно глядел себе под ноги, чтобы снова не упасть. Двигаясь вдоль забора, Мальгин видел в желтых световых кругах фонариков бутылочные осколки, разбросанные в мокрой траве, бумажный мусор и ржавые прутья арматуры, вылезавшие из забора. На такую штуку в темноте легко напороться и проткнуть себе бедро или брюхо. Прошли метров двести, когда идущий впереди Агапов остановился:

– Нам сюда.

Одна из бетонных секций забора давным-давно завалилась, даже успела врасти в землю. Образовавшийся проем кое-как заколотили нестроганными дюймовыми досками. Агапов, тяжело запыхтел, нагнувшись, просунул пальцы под нижнюю перекладину, поднатужился, вырвал парочку досок вместе с гвоздями, первым пролез в лаз. Петля между могильными оградами, пошли наверх, к центральной аллее, освещенной тусклыми фонариками. Туман здесь был не такой плотный, как внизу, дышалось легче. Пахло мокрой землей и ночными цветами. Теперь первым шел Барбер, с которого временно сняли наручники. Отыскивая правильную дорогу, он часто останавливался, светил фонариком на надгробья, читал эпитафии на могильных плитах и шагал дальше. Изредка тишину нарушали звуки бегущего под горку трамвая на ближней улице и далекий вой бродячих собак.

– Кладбище большое, ему уж двести лет. У него интересная история...

– Потом расскажешь историю с географией, – оборвал Мальгин. – Ищи место.

– Где-то здесь. Я помню вот эту мутоту, ангела без крыла.

Барбер замедлил шаг, посветил фонариком на постамент в виде колонны из серого полированного гранита. На постаменте стоял упитанный ангелок с пухлым скорбным личиком и толстой шеей. Ростом ангел был с шестилетнего ребенка, правое крыло отколото, курчавая голова загажена воронами и голубями.

– Нам вперед и направо, – сказал Барбер.

* * *

Светя под ноги фонарем, он побрел вверх по узкой тропинке. Мальгин шел последним, положив на плечо лом, словно солдат ружье. Он боролся с желанием подкрасться к Барберу сзади, со всей дури шарахнуть его ломом по балде, раскроив пустую башку, как арбуз, и отправиться домой отсыпаться. Дождевые капли щекотали лоб, попадали за шиворот рубашки, ботинки ездил по земле, словно по льду. Вышли на главную аллею, по обе стороны которой разрослись вековые дубы и липы, повернули к главным воротам. Через пятьдесят метров свернули на боковую аллею, даже не аллею, а тропку, узкую и темную. Барбер остановился.

– Где-то здесь... Совсем рядом...

Он поводит фонарем из стороны в сторону, справа из темноты проступал прямоугольник старинного склепа высотой в два человеческих роста. Склеп был сложен из гранитных блоков и напоминал макет ленинского мавзолея. Слева высилась мраморная плита, тяжелая, со скошенным на сторону верхом. Совсем близко закричала ворона. Вздвигнув от этого крика, Барбер перекрестился. Он прошел еще два десятка метров, остановился и сказал:

– Все, пришли.

– Это здесь? – переспросил Елисеев и посветил фонариком.

Справа от дорожки на круглом постаменте из полированного мрамора стояла фигура плачущей девы, облаченной то ли в плащ свободного кроя, то ли в накидку, закрывающую голову и плечи. Дева опустила на колени и прижала ладони к лицу. Открытым оставался лишь узкий подбородок и кончик носа. Постамент невысок, не выше человеческого плеча, надпись, выбитую на мраморе, обведенную сусальным золотом, местами облупившимся, трудно прочитать. Ни ограды, ни каменного бордюра вокруг памятника не было. Авдеев освободил лопаты от упаковочной бумаги.

Барбер обогнул памятник, показал то место, где нужно копать.

– Метр в глубину, не больше. Работы на десять минут.

Мальгин бросил бесполезный лом, взялся за лопату. Вторую лопату схватил Елисеев. Черная земля, напитанная дождями, оказалась тяжелой, но рыхлой. Авдеев светил фонарем. Работалось легко, штык лопаты ни разу не наткнулся на корень дерева или камень. Елисеев торопился, в свете фонаря можно было разглядеть, как на его виске в такт ударам сердца пульсирует голубая жилка. Он откидывал землю далеко в сторону, вертелся на месте, норовя встать поудобнее, мешал Мальгину. Барбер, стрельнув покурить, стоял неподвижно, прикрывая ладонью от дождя огонек сигареты. Снова закричала ворона, на этот раз совсем близко, прямо над головами людей.

– Тихо, – прошептал Авдеев и выключил фонарь. – Птицу спугнули. Кажется, кто-то идет.

Опустив лопату, Мальгин замер. Барбер бросил сигарету, наступил на нее каблуком. Мрак кромешный. Казалось, в этой темноте кто-то невидимый крадется по тропинке. Шаги все ближе и ближе. Мелкий гравий и песок поскрипывают под подошвами ботинок. Авдеев включил фонарь, направил луч света на дорожку. Никого. Это дождь шуршит в кронах старых лип.

– Фу, чего только не померещится, – Авдеев вытер ладонью мокрый лоб. – Мне на пятый десяток, а вот ночью на кладбище бывать не приходилось.

Мальгин хотел спустился в образовавшуюся яму, но Елисеев нетерпеливо оттолкнул его плечом, сам спрыгнул вниз, несколько раз всадил лопату в землю, почувствовав, как острие штыка ткнулось во что-то твердое. Услышав глухой звук, присел на корточки, стал разгребать землю ладонями.

– Судя по всему, мы нашли пустой гроб, – сказал Авдеев и замолчал, поняв, что шутка не самая удачная.

– Ну, что там? – высунулся вперед Барбер.

Никто не ответил. Мальгин, наклонившись, светил фонарем в яму. Встав на колени, Елисеев с немим остервенением вычерпывал землю ладонями.

– Проклятый туман, проклятый дождь, – шептал он себе под нос. – Вот он, я его держу...

Наконец удалось ухватить обеими руками веревки, которыми крест на крест был обвязан продолговатый предмет, на ощупь напоминающий большой чемодан. Елисеев рванул веревки на себя, выпрямился и передал вверх Мальгину тяжелый футляр от аккордеона, запакнованный в целлофан. С третьей попытки Елисеев выбрался вверх. В своем светлом промокшем насквозь costume, с ног до головы перепачканный грязью, он напоминал мертвеца, поднявшегося из могилы.

Вырвав находку у Мальгина, поставил аккордеонный ящик на край постамента, словно на стол, пошарил по брючным карманам. Щелкнула пружина выкидного ножа, в свете фонаря блеснула двойная заточка обоюдоострого клинка. Елисеев чиркнул лезвием по веревкам, прошелся взад-вперед по целлофановой упаковке, изрезав ее в лапшу. Он вытянул из-под ящика целлофан, расстегнул замочки и поднял крышку. В фанерном футляре, изнутри обшитым красным бархатом, лежал чемодан «Самсонит» из особо прочного пластика с наборным замком. От нетерпения движения Елисеева сделались резкими, нерасчетливыми. Он приподнял чемодан за ручку, вытащил из-под него аккордеонный футляр, столкнув его на землю, пнул с таким остервенением, что носком ботинка пробил толстый фанерный лист.

– Код? – голос Елисеева звучал хрипло. – Какой код?

Глава вторая

Мальгин посветил фонарем на Барбера. Лицо пленника было бледным и напряженным. Мальгин снова испытал чувство неосознанной близкой опасности. Он направил фонарь на чемодан.

– Две четверки, единица, – откуда-то из темноты ответил Витя Барбер. – И семерка.

Мальгин тронул Елисеева за плечо.

– Дай я осмотрю чемодан. На всякий случай.

– Отстань, – Елисеев ковырял грязными пальцами замок, поворачивал колесики, набирая комбинацию цифр, но почему-то никак не мог справиться с этим простым делом. – Сука, сейчас я тебя...

Елисеев нашел в кармане носовой платок, стер с пальцев песок и грязь, прошелся платком по наборному замку. – Светите сюда двумя фонарями, – приказал Елисеев. – Ни хрена не вижу.

Агапов и Мальгин встали за его спиной, направив фонарики на замок кейса. Барбер переминался с ноги на ногу где-то за их спинами, пыхтел сигаретой и шмыгал простуженным носом. Мальгин подумал, что на Барбера самое время надеть наручники, во избежание сурпризов... То была вялая и, главное, запоздалая мысль. Почва вдруг провалилась под ногами. В ту же секунду Мальгин ослеп от яркой вспышки. Горячая волна обожгла лицо и шею, ослепила. Перехватило дыхание. Показалось, перед носом открыли заслонку раскаленной печи, жар вырвался, длинные языки пламени вылетели из топки мощным потоком, сбили с ног, повалил на землю.

Что-то треснуло, лопнуло возле самого уха. Мальгин почувствовал, что проваливается, летит куда-то. Он взмахнул руками, стараясь за что-то ухватиться, но не смог остановить своего падения. Уже на лету какой-то твердый предмет ударил его в грудь с такой силой, что в глазах потемнело, что-то острое, кажется, осколок бутылочного стекла, вонзился в левое плечо. Но Мальгин не почувствовал боли.

Он очнулся от озноба. Задрав ноги кверху, Мальгин лежал в вырытой яме, капли влаги падали на лицо, смешивались с кровью, сочившейся из брови, рассеченной осколком камня, стекали с подбородка на рубашку. Правый рукав пиджака пропитался кровью, сделался слишком таким тяжелым, что невозможно было поднять руку. Он повел плечами, выбрался из пиджака, подтянув ноги в груди, одновременно оттолкнулся подметками ботинок и ладонями от мокрой земли. Превозмогая боль, выбрался из ямы, попытался встать, но лишь приподнялся и опустился задом в грязную лужу. Который час? Сколь времени прошло с момента взрыва? Минута? Две минуты? Не больше, – решил Мальгин.

Кровь попадала в глаза, Мальгин стер ее рукавом, расстегнул манжету рубашки, дернул вверх рукав, наклонив голову, посмотрел на часы. Циферблат покрылся мелкими трещинками. Часы приказали долго жить... А ведь в инструкции, приложенный к ним написано, что эта уникальная вещица выдерживают удар двадцатикилограммовой кувалды. Он снова попытался встать на ноги, но из этой затеи ничего не вышло. Он подумал, что попусту теряет последние силы. Тогда Мальгин лег на правый бок, прополз метров пять, отделявшие его от ближайшей могильной ограды. Ухватился здоровой рукой за железный прут, медленно поднялся, сделал несколько неуверенных шагов вперед, привалился спиной к стволу дерева.

Сердце билось неровно, боль пульсировала в затылке, словно к шее подносили обнаженный электропровод. Мальгин стер кровь и огляделся по сторонам.

Один из фонарей, не разбитый, в рабочем состоянии, валялся на земле. Световой круг освещал белую могильную ограду, на которой головой вниз висел человек. Его пиджак, превратившийся в решето, еще дымился. На месте правой руки болталась короткая черная култыга.

Елисеев... Он стоял рядом с чемоданом, ему и досталось больше всех. Второе тело, напоминавшее бесформенную грудю тряпья, лежало рядом с развороченным взрывом цоколем памятника, точно под плачущей девой, покосившейся на сторону, кажется, вот-вот готовой рухнуть на землю. Это Агапов. В момент взрыва он стоял в полушаге от Елисеева, за его спиной. И невольно заслони́л Мальгина от взрывной волны и осколков.

Глаза уже привыкли к темноте. Теперь Мальгин смотрел в сторону главной кладбищенской аллеи и не верил своим глазам. Метрах в тридцати от него, за пеленой желтого тумана угадывалась человеческая фигура. Значит, Вите Барберу удалось, заманив их в смертельную ловушку, уйти живым и невредимым, не получить даже царапины. Понятно, он-то был готов к тому, что должно было случиться.

Человек стоял неподвижно, пристально наблюдая за Мальгиным.

– Барбер, тварь, – прошептал Мальгин.

Он вытер кровь, снова набежавшую на глаза, подняв предплечье, расстегнул ремешок подплечной кобуры. Правая рука действует, Мальгин готов уложить Барбера с одного выстрела. Сжав рифленую рукоятку пистолета, вытащил его. Оружие готово к стрельбе. Остается большим пальцем опустить предохранитель. Поднял руку, стараясь прицелиться, прищурил глаз. Кажется, человек не пропустил эти действия Мальгина. Подняв руку, Барбер погрозил кулаком, развернулся и быстро зашагал прочь. Мальгин, поймав на мушку абрис человеческой фигуры, нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел, вылетела стреляная гильза, человек побежал. Вытянутая рука дрожала, сделавшись непослушной, чужой.

– Стой, стой, сука, – крикнул Мальгин, хотя знал, что Барбер не остановится. – Стой...

Крик вышел слабым, едва слышным. Еще секунда и Барбер растворится в тумане. Мальгин выстрелил трижды. Человеческая фигура неожиданно прекратила движение и рухнула на землю. Мальгин перевел дыхание. Теперь пистолет казался ему слишком тяжелым, кажется, тяжелее пулемета... Рука опустилась, оружие выскользнуло из разжавшихся пальцев.

– Тварь, – прошептал Мальгин, он был готов разрыдаться от бессилия исправить собственные и чужие ошибки. – Блевотина... Он нас поимел, как детей...

Вдалеке, на краю кладбища слышались свистки и приглушенные дождем мужские голоса, ругань, отрывистые крики, лаяли собаки. Левая нога почему-то занемела, сделалась бесчувственной и больше не держала. Колени подгибались, он медленно осел на землю, вытянул вперед ноги, упираясь спиной в ствол дерева. И еще пару минут боролся с головокружением. Затем лег на бок, в жидкую грязь и подумал, что если не перевяжет рану, чего доброго изойдет кровью еще до того, как сюда приедет милиция и «скорая». Здоровой рукой он расстегнул ремень, дергая за пряжку, вытащил его из брюк. Нужно перетянуть плечо, используя ремень, как жгут.

Но сил не осталось... Он припал открытым ртом к луже и попил воды. В рот попал сохлый лист. «Почему это вода в луже красная?» – подумал Мальгин, закашлялся и потерял сознание.

* * *

Старший следователь межрайонной прокуратуры юрист второго класса Владимир Русланович Закиров уже дважды заходил в больницу. Но Мальгин находил уважительные причины, чтобы скомкать разговор, не сулящий ничего хорошего. На этот раз сослаться на недомогания, боли в области плеча и поясницы или срочную перевязку, назначенную врачом, не было возможности. Когда появился следователь, Мальгин, опираясь на палку, уже вышел из больничного корпуса на воздух, сел на скамейку, подставив лицо солнечным лучам, и стал смотреть на бездействующий фонтан, устроенный в сквере.

В центре фонтана установлена невразумительная скульптурная композиция: девушка в купальнике, едва прикрывавшем высокую грудь, согнув колени, вытянула вперед голову. Она отвела назад руки, сцепив ладони замком, отключила зад. За спиной девушки пристро-

ился величественный физкультурник, узкая безрукавка обтягивала развитую грудь, а широкие трусы надежно прятали мужское достоинство. Мальгин меланхолично разглядывал композицию, решая задачу, загаданную архитектором: собирается ли девушка заняться плотской любовью с физкультурником, предварительно показав ему все свои прелести, или просто желает нырнуть в пустой фонтан, замусоренный рваными газетами, окурками и сухими листьями. Поди разберись.

Мальгин заметил следователя, когда пути к отступлению были отрезаны, мрачная тень Закирова загородила солнечный свет. Коротко поприветствовав больного, но не протянув руки, Закиров устроился радом, положил на колени кожаную папку и, отдав долг вежливости, поинтересовался здоровьем Мальгина.

– Спасибо, хреновато.

Мальгин понял, что от разговора все равно не уйти и в ожидании вопросов нетерпеливо постукивал резиновым набалдашником палки по земле. Но Закиров не спешил. Видимо, это был его профессиональный стиль, манера вести дознание: никуда не торопиться, исключив импровизацию, задавать только продуманные вопросы. Он расстегнул пиджак, достал мятую пачку сигарет и, затянувшись, пустил дым. Закиров младше Мальгина лет на пять, чуть ниже ростом, спортивного сложения с приятным беззлобным лицом, и выглядел бы он на все сто, но дело портила ранняя лысина, которую следователь маскировал, зачесывая волосы с боков на макушку.

– Погода хорошая сегодня, – сказал Закиров. – А мы с вами такой хренотой вынуждены заниматься. Обсуждать паршивое дело с двумя трупами. Дело, от которого воняет, как из выгребной ямы.

– У больных людей мало развлечений даже в хорошую погоду.

Пошарив по карманам застиранной больничной курточки чернильного цвета с короткими клоунскими рукавами и отложным белым воротничком, наполовину оторванным, державшимся на гнилой нитке, Мальгин обнаружил, что забыл курево в палате. Но просить сигарету у следователя не хотелось. Он сунул в рот спичку, и стал зубами грызть ее кончик.

– Что, опять нет настроения разговаривать? – спросил Закиров. – Как в прошлый раз?

– В прошлый раз, когда вы пришли, мне делали перевязку, отрывали от раны присохшие к ней бинты. Это не самое приятное ощущение.

– Ладно, не стройте из себя геройски раненого бойца. Я задам всего несколько вопросов. Наперед знаю, что вы станете изворачиваться и врать до последнего. Но вопросы все равно задам. Пусть вранье останется в деле.

Закиров расстегнул папку, достал бланк протокола допроса свидетеля с уже вписанными в него анкетными данными Мальгина, и выложил вопрос, который уже задавал во время прошлого посещения:

– С какой целью ты, Елисеев и Агапов прибыли на кладбище?

– Я маленький человек, – Мальгин с достоинством поправил отложной воротничок своей убогой курточки. Ложь, пусть не слишком убедительная, была наготове, сочинять сказки на ходу, куда труднее, чем выдавать нагора заготовленные фазы. – Мне говорят, а я делаю. Начальник службы безопасности страховой группы «Каменный город» Елисеев сообщил мне, что некто оставил для него посылку на кладбище. Закопал ее рядом с памятником какой-то там девы. Ясно, в посылке не семечки, что-то серьезное. Но я удивлялся: странное выбрано время и место для передачи посылки. Почему бы не оставить ее в камере хранения вокзала или не закинуть в нашу контору с нарочным. Видимо, и Елисеев чувствовал себя беспокойно. Он приказал мне и Агапову захватить с собой оружие.

– Что должно было находиться в так называемой посылке? Что именно неизвестный хотел передать Елисееву?

– Не знаю.

– Елисеев получил информацию о посылке по телефону? Или отправитель заходил в офис?

– Без понятия. У меня был не слишком разговорчивый начальник.

– Елисеев был вооружен?

– Возможно, – Мальгин знал, что Елисеев всегда носил с собой пушку и пару снаряженных обойм. Но к чему говорить лишнее? – В тот вечер я у него оружия не видел. Только ножичек, такой маленький, что им и в зубах не поковыряться. У меня и у Агапова были стволы. На них имеется лицензия.

– Да будет вам известно, что у Елисеева оружия не обнаружили. И у Агапова оружия не оказалось. Так-то.

Мальгин почесал переносицу. Выходит дело два пушки бесследно исчезли. Ясно, Барбер унес, больше некому. В хозяйстве все пригодится.

– Ствол был только у вас. «Браунинг», – Закиров плюнул на песок и растер плевков башмаком. – Из «Браунинга» вы пытались пристрелить кладбищенского сторожа. Пришли в себя, выбрались из ямы и начали шмалять в белый свет, как в копеечку. Бедняга сторож, глуховатый мужчина преклонного возраста, явился на место взрыва первым. Он очень хороший обаятельный человек. И прибежал со всех ног смотреть, что случилось с вверенным ему имуществом. Стоял от вас в тридцати метрах и все не решался подойти ближе, тогда ты открыл по нему стрельбу. Бедняга побежал, но вы продолжали стрелять ему в спину. Он упал и по жидкой грязи полз полкилометра до ворот. Боялся голову поднять. Чуть не убили человека...

Последнюю фразу следователь произнес тусклым голосом, не в силах спрятать своих подлинных эмоций. Жаль, чертовски жать, что Мальгин, по отзывам хороший стрелок, не шмальнул сторожа. Вот если бы попал, если бы насмерть, не надо было бы мудрить. Ловить подозреваемого на противоречиях в показаниях или расставлять хитроумные ловушки, голову не надо ломать. Все просто, как яйцо. Есть труп, и есть убийца. А на мокрушника можно все повесить: и взрыв, и еще парочку трупов, и остальные мелочи. Но тут не сложилось, не склеилось. Старый козел сторож каким-то чудом увернулся от пуль, даже не поцарапанный, только обделался и уполз на брюхе с линии огня.

– На кладбище вас было четверо. Что за личность тот, четвертый?

– Ошибаетесь. Нас было трое.

Закиров записал и этот ответ в протокол.

– А вот сторожа утверждают, что видели человека, который бежал со стороны взорванного памятника к забору. Промчался по главной аллее и пропал, как сквозь землю провалился. Туман, ночь, но на главной аллее светили фонари. Человека видели – это факт.

– Возможно, взрыв разбудил какого-нибудь бродяжку. Он протрезвел и с перепугу помчался, как угорелый, к забору.

– Кладбище за полтора часа до вашего появления прочесали с собаками. Таков порядок. Никакие бродяжки там не околачивались.

– Значит, плохо прочесали.

– И все-таки вас было четверо, – упрямо повторил Закиров. – И если раньше я вам верил хоть на копейку, то теперь... Гнусный вы тип, насквозь гнилой и лживый.

– Так говорила моя бывшая жена.

– Значит, представление о вас я составил верное. Хотите услышать, что я думаю по этому поводу? Моя история больше походит на правду, чем ваш художественный свист. Еще остаются белые пятна, вопросы...

– У меня голова болит, может, в другой раз послушаю?

Закиров был непреклонен. Прикурив новую сигарету, он изложил свою версию драмы. По Закирову выходило, что Мальгин вместе с сообщником, тем самым четвертым человеком, скрывшимся с места преступления, пока не установленным следствием, заманил своего непо-

средственного начальника Николая Елисеева на ночное кладбище. И в правду, в огромном городе трудно найти место во всех отношениях подходящее для разборки с взрывом. Пустота, дождь, туман, короче говоря, лирика темной ночи... Кроме того, на кладбище можно спокойно закопать трупы. И с концами, ищи их потом.

Агапов в этой истории фигура проходная, он стал случайной жертвой, потому что оказался рядом, возил Елисеева на машине, ходил за ним, исполняя роль телохранителя и мальчика на побегушках. Крайне важен тот момент, что Елисеев и Агапов не были вооружены, при себе имели две лопаты и лом. Они не ждали никакого подвоха, чувствовали себя в полной безопасности. Пушка оказалась только у Мальгина. Возможно, это совпадение, но совпадение очень странное, оно наводит на мысли и выводы...

В назначенное время троица оказалась у надгробья, на котором установлена плачущая дева, стали копать яму, из которой достали футляр из-под аккордеона, а в нем чемодан. Фокус с раскопками, если разобраться, тоже не случайность. Стоит лишь немного углубить уже вырытую яму, и в нее легко поместятся два-три трупа, за минуту закидаешь тела землей, затопчешь холмик. И наутек. Таким образом, Елисеев, того не ведая, своими руками копал свою же могилу. Но дальше случилось непредвиденное, он открыл крышку чемодана, содержащего взрывное устройство. Ударник упал на детонатор, вспыхнул запальный капсюль. А затем взрыв, мощность которого явно не рассчитали, переборщили с тротилом. Рвануло так, что памятник чуть с постамента не грохнулся. По сторонам разлетелись гайки, которыми обложили взрывчатку.

Сообщник Мальгина, увидев его, окровавленного, беспомощного, лежавшего в яме, решил, что перед ним труп и бросился бежать. Он понял, что в одиночку до появления сторожей не успеет закидать три трупа землей и скрыть следы преступления, да и памятник был сильно поврежден. Но Мальгин оказался жив. Поражающим элементом, гайками и болтами, досыта наглопались Елисеев и Авдеев, они же приняли на себя ударную волну. А Мальгин легко отделался, в момент перед взрывом успел спрыгнуть в вырытую яму: только одна гайка порвала ему мягкие ткани плеча, не задев кости, да еще отлетевшим куском пластика, из которого изготовлен чемодан, сломало два парных ребра, плюс обширные гематомы, ушиб головного мозга, то есть контузия, ушиб задней поверхности бедра и правого колена. Едва тянет на травмы средней тяжести. Заключение медицинской комиссии подшито к делу.

Мальгин очухался, вылез на поверхность. Он понял, что сообщник предал, бросил его. Тогда Мальгин достал пушку девятого калибра и, заметив старика сторожа, принял его за своего недавнего друга и напарника. Ясно, кровь заливала глаза, дождь, темень. В такой ситуации каждый может ошибиться. Мальгин понимал, что хорошо обмозгованный план устранения Елисеева сорвался из-за пустяка. Значит, сообщника нельзя оставлять в живых. Сообщник попадает в ментовку, колется, и долгий срок Мальгину обеспечен, а в пиковом случае светит пожизненное заключение. И он начинает стрелять. Но мажет. На сегодняшний день итоги таковы: Мальгин пока проходит по делу как свидетель, но в ближайшее время может превратиться в подозреваемого. Сообщника Мальгина ищут, устанавливают личность.

Точно не известен мотив покушения на Елисеева. Но это вопрос десятый. Возможно, Мальгин, мучимый тщеславными амбициями, хотел быстрого продвижения вверх, а начальник службы безопасности стоял на дороге, не давал профессионально расти. И вправду, Мальгин засиделся на своей должности, четыре года работы в страховой фирме, а карьерного роста нет как нет. А ведь он достоин лучшей доли. По прихоти судьбы он, в прошлом майор ФСБ, человек с обширным опытом оперативной работы, протирает штаны в службе безопасности какой-то частной лавочки в обществе недоучек, бездарей и дилетантов. Обидно. Но возможны и денежные счета.

* * *

– Я мог ошибаться в мелочах, но общая картина, рабочая версия, по-моему, достоверна, – сказал Закиров. – Правда?

– Есть неточности. Я выжил потому, что в последние мгновение перед взрывом ноги сами съехали в яму. Почва была сырой и рыхлой. Грунт не выдержал моего веса, осыпался. А погибшие закрыли меня от поражения болтами и гайками. Сообщника, повторяю, не было. А стрелять я начал, потому что решил, будто появившийся человек и есть преступник, заложивший бомбу в чемодан. Спрятавшись поблизости, он ждал момента, чтобы добить раненых, если бы такие оставались.

– Ну, вы и шутник. Советую придумать что-нибудь посерьезнее, а не острить тупым концом.

Закиров высыпал еще два-три десятка вопросов, Мальгин отвечал твердо, как по писанному, понимая, что следствию нечего противопоставить его объяснениям, и поэтому чувствовал себя спокойно. Он расписался на листках протокола и напомнил Закирову о плохом самочувствии.

– У меня в глазах двоится.

– Скоро троиться будет, – обнадежил Закиров. – Ордер на ваш арест я мог бы получить хоть сегодня, – он похлопал ладонью по пустому карману пиджака, там, по его мнению, уже могла бы лежать заветная бумажка с печатью и подписью судьи. Но бумажки в кармане все-таки не оказалось. Возможно, чтобы ее получить, не хватало малости: чистосердечного признания Мальгина в совершенном преступлении. Да, такой малости...

– И тебя перевезли бы в тюремную больницу, где условия содержания так себе. Это не санаторий с усиленным питанием.

– Но ведь ордера нет.

– Нет, – кивнул Закиров. – Пока нет. Но ты не огорчайся, у нас все впереди. Поправляйся здесь, на чистой постельке, а дальше видно будет. Кстати, насколько мне известно, ты ведь работал в ФСБ? За что тебя попросили из конторы?

– Один бандит, оптовый торговец героином, и пятнадцать его адвокатов строчили на меня жалобы во все инстанции. Даже на Старую площадь писали. Якобы, у этого авторитета во время обыска пропали пятьдесят тысяч баксов. Старшим в группе, проводившей обыск, был я. Начали служебное расследование, доказать ничего не удалось. Но меня заставили написать рапорт. У того бандита обширные связи в желтых газетах, намечался грандиозный скандал, а шумихи никто не хотел. И так на ФСБ в последнее время вылили целое море помоев, в которых захлебнешься, утонешь. Короче, я ушел. Теперь это называется компромиссом.

– А раньше как называлось?

– Предательством и подлостью.

– Ты дорожил работой?

– Как бы популярно объяснить... Это была моя жизнь, которую взяли и отобрали. Потому что у меня не было ни денег, ни возможности нанять себе хотя бы одного голосистого адвоката.

– Значит, за правду пострадал? – Закиров недобро усмехнулся. – Такие сказки рассказывают все бывшие сотрудники органов. Меня вычистили за принципиальность, за неподкупность, за свой особый взгляд на проблему преступности. А потянешь за ниточку – вылезают взятки. Всегда так. Напоследок один совет. Пока ты тусуешься тут, в больнице, не теряй зря времени.

– В каком смысле?

– В прямом. Позови священника, исповедуйся и прими причастие. Другого случая у тебя может не быть. Если говоришь правду, жить тебе осталось всего ничего. А если врешь, может, и

до завтрашнего утра не дотянешь. Тот самый, четвертый, он ведь на свободе. Он ждет удобного случая. Не забывай об этом. Выйдешь из больницы и тебя, ясное дело, грохнут. Подкараулят в парадном или возле машины... Ну, знаешь, как это бывает. Пока бандиты наверняка не знают, в какой тихой заводи ты плаваешь. Не в курсе, в какую больницу тебя пристроили. Но это до поры до времени. Ты единственный человек, который выбрался живым из той переделки. Если не считать твоего сообщника. И, пока ты жив, покоя тебе не видать.

– Покой нам только снится.

– Но если бы ты согласился на сотрудничество с прокуратурой, мы обеспечили безопасность и защиту, пока подельник гуляет на воле. Да и суд скостит срок, учитывая чистосердечное раскаяние и помощь следствию. Главное, под каким соусом подать дело в суде. Соус... Понимаешь? Я а как раз мастер по соусам. Весьма возможно, отделаешься условным сроком. Такие шикарные предложения я делаю редко. Подумай.

– Подумаю, – вяло пообещал Мальгин.

Закиров застегнул «молнию» папки, поднялся и пообещал, что скоро они снова увидятся. Сделав пару шагов, остановился и обернулся.

– Я знаю, что парни вроде тебя, выходцы из спецслужб, нас, прокуроров, недолюбливают. И к методам нашей работы относятся высокомерно. Мы в вашем понимании мелко плаваем, мало что умеем. Все это пустой гонор, который скоро из тебя выйдет. Потому что того, четвертого персонажа с кладбища, я найду. Обещаю, что найду. И тогда... Ты сам знаешь, что с тобой случится. Ты пожалеешь, что не погиб тогда, вместе с Елисеевым.

Закиров ушел, Мальгин тоже поднялся и, опираясь на палку, зашагал к больничному корпусу. Так или иначе, этот тип сумел испортить ему настроение. Наверно, этого он и добивался, за этим и приходил.

* * *

После обеда, когда в больнице начинался тихий час, Мальгин раскрыл тумбочку, вытащил из нее цивильную рубашку, брюки и пару ботинок. Стянув с себя казенные тряпки, проштампованные печатями, с намертво пришитыми бирками, стал переодеваться. Сосед по палате дремал, закрыв лицо газетой, за распахнутым окном шумели тополя, слышался птичий гомон и ругань маляров, красивших больничный фасад. Самое время удрать на пару часов.

Порядки в ведомственном лечебном учреждении не отличались особой строгостью. После утренних процедур до самого вечера можно было слоняться по территории, отгороженной от мира глухим забором или, если есть гражданские вещи, удрать в город и возвратиться на место к семи вечера, когда здесь устраивали что-то вроде переключки пациентов, отмечая в журнале тех, кто отсутствует.

Мальгину удалось попасть в ведомственную, полупустую больницу стараниями приятеля из столичного департамента здравоохранения. После взрыва на кладбище Мальгина, изрекающего кровью, привезли в одну из клинических городских больниц, в огромное семнадцатизэтажное здание, куда можно было запросто переселить всех жителей какого-нибудь среднерусского городка. После полутора суток, проведенных в реанимации, Мальгина засунули в тесную палату с огромным окном, выходящим на солнечную сторону. Штор на окне не было, даже форточка не открывалась, створки окна присобачили гвоздями к раме, поэтому жара и духота в палате стояли непереносимые. Кроме того, в комнатенку, рассчитанную максимум на четыре места, каким-то чудом запихнули восемь кроватей, на которых стонали и бредили больные с тяжелыми травмами.

Промучившись сутки, Мальгин, опираясь на палку, покачиваясь, как тростинка на ветру, добрал до столика дежурной сестры, воспользовавшись ее отсутствием, накрутил номер чиновника московской мэрии. «Слушай, если ты не вытащишь меня из этой помойки в течение два-

дцати четырех часов, не устроишь перевод в другую больницу, попримечнее, я просто схохну, – сказал Мальгин. – Натурально отброшу копыта. Поэтому заранее приглашаю тебя на похороны и поминки. Водки будет много, приходи, не пожалеешь». Чиновник не выразил энтузиазма, перевод из больницы в больницу дело хлопотное, но сказать «нет» Мальгину, в свое время оказавшему кое-какие услуги, язык не повернулся. «Я постараюсь, – ответил собеседник. – Не все в моих силах, но я постараюсь».

На следующий день Мальгин уже дышал воздухом старого парка, разбитого вокруг ведомственного оазиса, наслаждался тишиной и покоем. Атмосферу общей благодати ночами нарушал сосед по палате трижды орденоносный бригадир путейских рабочих Петр Иванович Ступин, залетевший в больницу с переломом голени, путейца из ночи в ночь терзал один и тот же сон. Иваныча видел себя лежащим на хирургическом столе, и вот-вот, с минуты на минуту, должна начаться операция по удалению у него матки. Иваныч пытался что-то объяснить, втолковать отупевшим медикам, уже облачившимся в светло зеленые халаты и марлевые намордники, но его не слушали. Анестезиолог копался со своим аппаратом, готовясь дать наркоз, а хирург от нетерпения переминался с ноги на ногу и гремел инструментарием.

«У меня нет матки, – орал во всю глотку Иваныч. – Слышите вы, идиоты чертовы, у меня нет матки. Будьте вы прокляты. Нет ее. Сволочи. Я мужчина, не баба. Вам бы только человека зарезать, кровь пустить. Поймите же, наконец. Не-ту мат-ки у ме-ня».

Иваныч подскакивал на кровати, садился, держась трясущейся рукой за стену, хватал полотенце, переброшенное через спинку, вытирал холодный пот со лба и щек. И просыпался окончательно. Эти страшные душераздирающие крики, будивший ночами всю палату и даже сестру, дремавшую в конце коридора на диване, скудное больничное питание, затеянный к осени ремонт фасада, запах краски и столярного клея, вносили разнообразие в грустный больничный быт. И если бы не визиты следователя Закирова, отравлявшие существование, здешнюю жизнь можно было назвать сносной, даже хорошей.

На кровати зашевелился путеец Иваныч. Стянув с лица газету, он сурово посмотрел на Мальгина, одетого в чистые брюки и рубашку легкомысленной расцветки:

– Что, к бабе собираешься? – сурово спросил путеец, мысли которого после ночных кошмаров все время сворачивали в похабную сторону. – Ясно, ты молодой человек, среди нас, стариков, тебе скучно. Ты по бабам истосковался. Хочется, наверное, пощупать... Ну, эту самую... Как там ее... Матку пощупать.

– Хочется, – виновато сознался Мальгин.

– То-то же, хочется, – путеец осуждающе помотал головой, накрыл лицо газетой и засопел, словно паровоз под парами.

Закончив эту в высшей степени содержательную беседу, Мальгин спустился по лестнице вниз, вышел с заднего крыльца, через парк пробрался к воротам, протиснувшись между створок, никем не замеченный, оказался на улице. Дошагав до Ленинградского шоссе, встал на кромку тротуара и проголосовал проезжавшей мимо машине, подняв палку. Залез в кабину и назвал водителю адрес офиса страховой компании «Каменный мост».

Глава третья

Доехав до тихого московского переулочка, где в уютном трехэтажном домике с застекленной мансардой располагался офис, Мальгин сунул деньги водителю. Поднявшись на крыльцо, вошел в помещение и поздоровался со знакомым милиционером, который во внеурочное время халтурил в «Каменном мосте». Капитан, сидевший за стеклянный перегородкой, отложил газету, на языке вертелось два десятка вопросов, которые не терпелось задать Мальгину, но тот не дал служивому раскрыть рот. Прощмыгнув тамбур, он, позабыв про хромоту и боли в колене, взлетел по лестнице на третий этаж и, сбавив темп, зашагал по коридору, застеленному красной ковровой дорожкой.

Еще два с половиной года назад весь этот старый еще купеческий особняк принадлежал «Каменному мосту», но когда дела фирмы пошли под гору, пришлось сдать арендаторам сначала первый, а затем и половину второго этажа. Однако полоса неудач и финансовых провалов все не кончалась, и теперь руководство выбирало фирму, которой можно сдать в аренду оставшуюся половину помещения на втором этаже. Мальгин без стука толкнул дверь с табличкой «Генеральный директор М. П. Елисеев». Приемная пуста, секретарь, как обычно после двух часов, отправилась в поход по магазинам.

Через несколько секунд Мальгин оказался в кабинете генерального директора. Максим Павлович, высокий человек в темном костюме и светлой сорочке, сидя за письменным столом, с понурым видом перебирал казенные бумажки. При появлении гостя, он порывисто поднялся, едва не опрокинув кресло, потряс руку Мальгина и тут же предложил ему пройти в соседнюю комнатенку, единственное место в офисе, где можно свободно, не опасаясь прослушки, вести важные разговоры. Окон в спецкомнате не было, под потолком горели лампы дневного освещения, стены и потолок обили листьями меди и свинцы, поглощающими или отражающими звуки голосов, а сверху поклеили домашними обоями в цветочек. Здесь не было никакой электроники, сотрудники, заходившие в комнату, оставляли мобильные телефоны на столе Елисеева. Из мебели только письменный стол и несколько стульев. В последнее время спецкомнатой пользовались редко, потому что солидные клиенты позабыли дорогу в «Каменный мост».

Закрыв двойную дверь, Елисеев усадил Мальгина за стол, а сам принялся расхаживать от стены к стене. В своем одеянии, темном костюме свободного кроя, он напоминал огромную галку, бестолковую птицу, случайно залетевшую в присутственное место. Елисеев дважды навещал Мальгина в ведомственной больнице и уже знал все мельчайшие подробности трагедии, развернувшейся на кладбище.

– Плохи наши дела, – отвечая на какие-то собственные мысли, сказал он. – За прошедшую неделю фирма потеряла крупного клиента. «Промхимвтоматика» больше с нами не работает. Конкуренты переманили. Черт, все наперекосяк. Беда не приходит одна. Я рассчитал десять сотрудников службы безопасности, сейчас провожу радикальное сокращение штатов по всем отделам. Но просвета все равно не видно. Закон бизнеса: сильные убивают слабых, крупная рыба ест мелкую рыбешку...

Чтобы чем-то занять себя, Мальгин взял бумажный листок и стал сворачивать из него кораблик, слушать эту лекцию о законах бизнеса было выше его сил. Во времена своего расцвета «Каменный мост» имел дело только с корпоративными клиентами: промышленными предприятиями, банками, крупными оптовиками промышленных и продовольственных товаров. Теперь здесь работали с рядовыми гражданами, средним классом, а чаще, людьми, не обремененными высокими доходами и тугими кошельками. Значительную долю прибыли приносили договора, заключенные с огородниками, желавшими застраховать от пожаров, наводнений и краж садовые домики в дальнем Подмоскowie. В прежние годы о такую мелочь здесь

не подумали пачкаться. Но все меняется, и нечему удивляться. Если и дальше так пойдет, придется страховать сенные навесы, дровяные сараи и собачьи будки. Да еще спасибо говорить.

Мальгин полагал, что главная причина всех финансовых неурядиц фирмы в том, что Елисеев постепенно превращал «Каменный мост» в сытную кормушку для своих многочисленных родственников, которые имели самое приблизительное, самое отдаленное представление о страховом бизнесе. В «Каменном мосте» ключевые должности занимали свояки, зятя, двоюродные племянники генерального директора. Даже та секретарь из приемной, что взяла за правило половину рабочего дня толкаться у магазинных прилавков, доводилась Елисееву какой-то дальней родственницей. За пару лет работы в страховой фирме она научилась немногому: снимать телефонную трубку и одним пальцем тыкать в клавиатуру компьютера.

Всю черновую работу постепенно переложил на себя Елисеев старший, но он не справлялся. Перепутав бизнес с семейными отношениями, уже не мог выбраться из родственной трясины и теперь шел на дно вместе со своей некогда процветающей фирмой. Сокращение штатов... Радикальное сокращение... Оно наверняка не коснется родственников Елисеева, разваливших и растащивших его бизнес.

– Я анализировал ситуацию. Но так и не смог понять, почему... Почему вы тут просто, совершенно бездумно вы попались в ловушку Барбера. Нет, не понимаю.

Взмахнув руками, Елисеев стал расхаживать от стены к стене.

– Я сотрудник службы безопасности, значит, ответственность за все – на мне, – ответил Мальгин. – А теперь пару слов в свою защиту. К моим советам никто не прислушивался. Я не хочу сказать ничего такого о твоём погибшем брате, о покойниках не говорят плохо. И все-таки... В жизни он занимался не своим делом. Охрана, безопасность – это не его талант. Ему бы работу по хозяйственной линии. Там бы он развернулся. Тебе неприятно это слушать, но вся авантюра, затеянная с этим Барбером, была изначально обречена на провал.

– Да, это была опасная затея, – согласился Елисеев. – Но был соблазн вернуть потерянные деньги...

– Одного соблазна для успеха мало. Твой брат никого не хотел слушать, не хотел ни во что вникать, и учиться не хотел. Если он таскает с собой пушку девятого калибра, значит, он уже крутой малый. Вернуть фирме те два миллиона, что увел Барбер... Николай страдал этой болезненной идеей. Загорелся ей. Хотелось самоутвердиться, доказать, что он не задаром ест свой хлеб. А Барбер... Что ж, он тонко сработал, нагрел нас уже дважды. В первый раз мы потеряли миллионы баксов. Во второй раз...

* * *

Мальгин не договорил, потому что на Елисеева старшего было жалко смотреть. Он упал на стул, обхватив нижнюю челюсть, будто у него сразу заболели все тридцать два зуба, сжал губы в тонкую серую полоску.

– Да, мой брат не был высоким профессионалом, но он хотел занимать именно эту должность. И я не мог отказать. Коля окончил трехнедельные курсы охранников в Израиле. И после этой учебы стал слишком высоко задирать нос.

– Я знаю. На этих курсах преподают азы взрывного дела. Но Коля даже не дал мне проверить чемодан перед тем, как поднять крышку. Я его ни в чем не виню. Я-то жив, а он...

– А он, – повторил Елисеев шепотом. – К счастью, у Агапова детей не было, родители давно скончались. А у моего брата осталась жена и трое детей. Он любил детей. Его хоронили в закрытом гробу, я не мог допустить, чтобы мать увидела его... Увидела его таким.

Последнюю фразу Елисеев произнес едва слышным шепотом, поднял вверх палец и надолго замолчал. К манерам Елисеева вести разговор посторонние люди, особенно те, кто впервые общался с хозяином «Каменного моста», привыкали не сразу. Высокий, в очках и

неизменном черном костюме, он говорил громко, часто переходил на крик, двигался порывисто, энергично размахивал руками, но самые важные значимые слова почему-то произносил шепотом, при этом поднимал кверху указательный палец. Словно давал собеседнику понять, там, наверху, сидит Господь Бог, который не фраер и не Яшка. Он-то во всем разберется, всех рассудит и воздаст по заслугам.

– Мы не можем обратиться за помощью в прокуратуру, – сказал Елисеев. – Не можем рассказать там и сотой доли правды о том, произошло на самом деле. Но я хочу найти Барбера.

– Ты жаждешь мести?

– А ты, как бы ты поступил? Засунул голову в собственную задницу и представил себе, что ничего не произошло? Ты должен, просто обязан помочь. Мой брат не был твоим близким другом, но он хорошо к тебе относился, вы вместе работали более трех лет. Ты единственный человек, оставшийся в живых, кто знает характер и повадки этого сукина сына Барбера. Найди его, я не пожалею денег. Все что нужно для дела, у тебя будет. Документы, мои связи...

– Я не убийца, – покачал головой Мальгин.

– Я не сказал «убей его». Только найди. Есть другие люди, которые выполнят за тебя грязную работу. Твое дело – искать и найти.

– Прошло уже две с лишним недели. Это большой срок. Он мог уехать за границу. Мог залечь на дно где-нибудь в Киеве или в Урюпинске. Завести любовницу, жениться...

– Ерунда, – прошептал Елисеев и поднял кверху палец. – У Барбера нет никакого простора для маневра. Мы не знаем, где находятся похищенные у нас деньги. Возможно, и Барбер этого не знает. Он просто блефовал, утверждая, что деньги закопаны на кладбище. Заманивал нас в ловушку и готовился драпануть в удобный момент. А что может сделать человек без денег?

– А если деньги все-таки у него?

– Это осложняет ситуацию, но не делает ее безвыходной. С деньгами ему легче прятаться, вот и вся разница. Любой преступник оставляет следы. Нужно уметь их найти. Ты единственный человек, кто может это сделать.

– Не переоценивай мои таланты. Онуфриенко тебе звонил?

– Нет. И к домашнему телефону не подходит. Как в воду канул, гад. Видно, он был в сговоре с Барбером.

Мальгин разорвал вдоль и поперек бумажный кораблик. Он уже принял решение, принял его не сегодня и не вчера, поэтому уговоры Елисеева были пустой тратой слов. Максим Павлович нетерпеливо постучал пальцами по столу, он не мог скрыть нетерпения.

– Я согласен.

– Молодец, – на лице Елисеева появилось подобие улыбки. – Я и не ждал другого ответа. Кстати, как твое самочувствие? Как плечо, как колено?

Вопрос прозвучал запоздало, фальшиво. О самочувствии надо было спрашивать в тот момент, когда Мальгин переступил порог кабинета.

– Меня заштопали на скорую руку, – ответил Мальгин, ощущая боль в сломанных ребрах. – Через несколько дней я буду в полном порядке. Сейчас мне нужна некоторая сумма наличными, мобильный телефон. Свой я посеял на кладбище. И еще хорошая пушка.

– Возьми в ружейной комнате.

– Пистолеты, засвеченные в нашей фирме не годятся.

Елисеев полез куда-то под стол, долго чем-то громыхал и наконец вытащил девятимиллиметровую «Астру» с двумя снаряженными обоймами, целлофановый пакет с деньгами и мобильный телефон.

– Надеюсь, это все?

– Все, почти все. Мне нужен ключ от твоей квартиры. Той самой квартиры, где дважды в месяц отдыхаешь с девочкой.

- Ну, это уже борзость... Это уже такое хамство трамвайное...
- Мне нужна незасвеченная хата, о которой знаешь только ты, шлюшка. И никто больше.
- Воспользуйся съемной квартирой, где держали Барбера.
- Эта не подойдет. Сам знаешь, почему.
- Елисеев достал платок и вытер лицо, хотя в комнате было нежарко.
- Последней радости человека лишаешь. Ключи... Чего выдумал.
- Тогда прощай. Заявление об уходе останется на столе твоего секретаря. Кстати, сегодня она что-то задерживается из магазина.

Елисеев старший встал на ноги, он долго шарил по карманам, отыскивая те самые ключи с брелоком в форме треснувшего сердца. Отыскав, связку бросил их на стол.

* * *

Покинув «Каменный мост» Мальгин решил, что еще успеет завернуть по одному знакомому адресу, в Измайлово. Машина, которую он остановил, чудом не попала в дорожную пробку на Крымском валу, и через сорок минут Мальгин оказался перед панельным домом в один подъезд, вошел в парадное и, закрыв дверцы лифта, нажал кнопку седьмого этажа. Здесь жил некто Василий Онуфриенко по кличке Кривой, вор рецидивист, с которым Витя Барбер отбывал последний срок в колонии под Иркутском.

Очувтившись на лестничной клетке, Мальгин долго разглядывал дверь пятьдесят шестой квартиры. Он даже подумал, что ошибся адресом, но ошибка исключалась. Чуть ниже замка была приклеена бумажная полоска, проштампованная милицейской колотушкой. На косяке и двери две пластилиновые блямбы, в которые вдавили печати ГУВД Москвы, оттиски получились четкие, несмазанные, между блямбами натянули тонкую пеньковую веревочку. Итак, квартира Онуфриенко опечатана. Одно из двух: за то время, пока Мальгин пролеживал бока на больничных койках, Кривой засыпался на каком-то деле и снова очутился на нарах или умер насильственной смертью. Своей смертью такие люди не умирают.

Присев на корточки, Мальгин осмотрел единственный недорогой замок, за несколько секунд составив представление о его конструкции и возможных способах взлома. Онуфриенко, профессиональный вор, жил в том убеждении, что открыть можно любую дверь, снабженную самым сложным запором, было бы желание. К чему тратить деньги на баловство, покупку дорогого замка? Логика экономного человека, которому не всегда хватало на бутылку. Мальгин поднялся, позвонил в соседнюю квартиру, после долгих расспросов, к кому и зачем пришел мужчина, дверь открылась на длину цепочки. С другой стороны порога стояла пожилая женщина и разглядывала незнакомца.

– Я из конторы Мосэнерго. Ваш сосед Онуфриенко Василий Ильич уже полгода не платит за свет. У меня есть предписание начальства отрезать ему электричество, – Мальгин почесал затылок. – А заодно уж, ну, коли уж пришел, и газ отрезать. Чтобы по два раза не ходить. Вот предписание...

Достав из брючного кармана рецепт на лекарство, Мальгин помахал бумажкой перед носом старухи. Видимо, идея отключения света и газа у соседа имела такой грандиозный успех, так понравилась старухе, что настороженный прищур ее глаз сделался мягче, цепочка упала, а дверь распахнулась настезь.

– Давно пора, – бабка кокетливо поправила фартук. – На водку у него деньги не переводятся. А вот за свет и газ заплатить, тут не хватает.

– Но одна заминка: дверь квартиры опечатана милицией. Не знаете, когда приходили милиционеры?

– Не при мне это было. На днях, кажется. Василия не слышно и не видно уже... Уже давно. А квартиру опечатали неделю назад. Или две недели?

– Что случилось, не знаете?

Старуха оказалась памятьливым существом, Мальгину удалось узнать, что у Онуфриенко проводили обыск два милиционера и какие-то люди в гражданской одежде, из квартиры ничего не изъяли, не вынесли. И что вынесешь оттуда кроме пустых бутылок? Милиционеры опрашивали соседей, стараясь выяснить, кто в последний раз видел Кривого, пускал ли он к себе гостей, не было ли драк и шумных застолий с битьем посуды, есть ли у жильца из пятидесятой шестой квартиры сожительницы. На вопросы милиционеров бабка ответила, что любовниц не видела, но скандал, а, может, и драка, действительно на днях случилась. Какой-то мужчина незнакомым голосом выкрикивал грязный ругательства из-за двери Онуфриенко, затем на пол упали то ли бутылки, то ли тарелки. На этом все и кончилось, наступила тишина.

– Слышимость в нашем доме хорошая, – похвасталась старуха. – Да и скандалов у Васки никогда не было. Поэтому я и запомнила ту ругань. Он один пил. Гостей не любил, сроду никого не звал. И жил тихо. Только когда напьется, брал гармонь и пел песни. Жалобные такие.

– Обидно, что не получится свет ему отключить, – вздохнул Мальгин и пожелал бабке здоровья.

Старуха покачала головой, посоветовала зайти в другой раз, может, повезет, хозяин каким-то чудом окажется в опечатанной квартире. И заперла дверь. Спустившись вниз, Мальгин нашел пустую скамейку, достал трубку мобильного телефона и набрал номер Семена Проскурина, знакомого подполковника из центрального аппарата ГУВД.

– Рад тебя слышать, очень рад, – сказал Проскурин, судя по тону, он действительно был рад услышать знакомый голос. У Проскурина были хронические финансовые проблемы, которые он старался решать, продавая закрытые сведения охранным агентствам и страховым компаниям. – Чем могу?

– Есть тут один вопрос...

Когда работаешь в службе безопасности страховой компании, приходится поддерживать с милицией нормальные человеческие отношения, иначе большие проблемы неизбежны. Страховщикам нужна достоверная информация о клиентах, а милиционерам нужны деньги.

– Меня интересует некто Онуфриенко Василий Леонидович, кличка Кривой. Четыре судимости, последний раз освободился семь или восемь месяцев назад. Сегодня заглянул к нему в гости, а квартира опечатана. Хочу знать, что с ним случилось.

– Выясню, – пообещал Проскурин. – Завтра в два загляни в «Закарпатские узоры». Я там обедаю. Как здоровье?

– Креплюсь.

* * *

Ночью в больничной палате было слышно, как в стекла скребются ветви тополей, разросшихся перед корпусом, в освещенном коридоре шаркали чьи-то шлепанцы, будто больные из других палат по очереди путешествовали в дальний туалет и возвращаются обратно. Мальгин таранился в темноту и слушал, как жалобно постанывает заслуженный путеец Ступин, видимо, во сне он снова переживал все ту же ошибочную операцию. «Стоит только мне задремать, как он заорет, – думал Мальгин. – После этого крика я больше не усну до самого утра». Но Ступин не орал, только стонал и дергался, гремел панцирной сеткой кровати, будто по его мозолистому, согнутому радикулитом телу, пропускали электрические заряды.

Сон не шел, Мальгин ворочался, он вспоминал Онуфриенко, вспоминал тот яркий весенний день, когда Кривой, появившись в офисе «Каменного моста», раз и навсегда изменил жизнь покойного Елисеева и других действующих лиц этой истории.

Кривой долго топтался внизу у милицейского поста, выпрашивая пропуск, чтобы пройти к самому высокому начальству. Поверх мягкого костюмчика из синтетики на нем был выдавший

виды макинтош. Ради такого дела, Кривой повязал галстук, прошелся щеткой по растрескавшимся башмакам. Даже завернул в парикмахерскую, наказав мастеру подстричь его покороче, побрить и не жалеть «Шипра», в понимании Онуфриенко, самого шикарного мужского одеколona. Вахту внизу несли два милиционера, они, уже готовые перейти на матерную ругань, пытались объяснить незнакомцу, что к Елисееву не может попасть случайный человек, проходжий с улицы, но Кривого эти объяснения не устроили. Он проявил терпение и потрясающую настойчивость, объясняя тупым ментам, что пришел он вовсе не с жалобой, речь идет о важном сообщении, которое заинтересует начальника, век воли не видать.

Один из дежурных был вынужден подняться наверх, вступить в переговоры с секретарем Елисеева, после чего подозрительного гражданина, вписав в журнал регистраций паспортные данные, проводили к двери генерального. Еще пару часов Кривой маялся в приемной, пока секретарь, измученная его нытьем, не зашла в кабинет начальника: «Максим Павлович, там дожидается какой-то мужчина. Очень сомнительный, то есть страшный. С бельмом на глазу. Он просто-таки взял меня за горло, говорит, важное дело...» Елисеев, пребывавший в самом нежном лирическом настроении, стоял у окна и разглядывал горбатый замоскворецкий переулок. Снег сделался желто-серым, по жестяному подоконнику барабанила капель, а солнце светило так ярко, что сердце млело. «Пусть зайдет, – сказал Елисеев. – Только предупреди: если дело действительно важное, он может рассчитывать на пять-семь минут моего времени. Если у него жалоба, вылетит отсюда через минуту. И не забудь мне напомнить: через час я должен выехать на встречу с главой департамента страхового надзора».

Онуфриенко, скинув плащ в приемной, вошел в кабинет, закрыл за собой двери и, с достоинством поправив галстук, уселся за стол для посетителей. «Не буду долго говорить, – сказал он, упреждая вопросы хозяина кабинета. – Я, собственно, здесь затем, чтобы вернуть вашей конторе два миллиона долларов наличными». Елисеев прилип к своему креслу и открыл от удивления рот, Кривой не дал ему опомниться. «У меня есть кое-какое образование, – продолжил он. – Я два с половиной года проучился на юридическом факультете Киевского университета. Хотел стать юристом или прокурором, вышло наоборот. А, главное, у меня есть жизненный опыт. Насколько я понимаю в этой афере, компенсационные выплаты по страховке были получены у вашей фирмы мошенническим путем. Это произошло пару лет назад. И теперь человек, заграбаставший всю сумму, хочет вернуть ее владельцу. То есть вам. А я представляю интересы этого человека. И очень постараюсь, чтобы его не кинули. Как он кинул вас».

«А с чего бы вдруг аферисту возвращать деньги? – генеральный директор прятал усмешку и пытался собраться с мыслями. Интуиция подсказывала, что этот плохо одетый, пропахший дешевым одеколоном человек с бельмом на глазу говорит правду. – С каких пор жулики стали добровольно отдавать наворованное добро?» «Его жизнь приперла к стенке, – ответил Кривой. – Обстоятельства. Иначе он бы не отдал ни гроша». Елисеев мысленно согласился с выводами секретаря: перед ним очень неприятный и, возможно, опасный тип. Левый глаз Онуфриенко затянуло серое водянистое бельмо, другой здоровый глаз был живым, подвижным. Кривой с интересом рассматривал кабинет, стулья, обитые кожей, диван, пару картин, стилизованных под старинную фламандскую живопись, чернильный прибор: огромная серебряная сова с глазами из мелких сапфиров караулила хозяйские ручки и карандаши.

Он зыркал своим здоровым глазом по сторонам, словно вычислял, что есть в комнате ценного, и как бы эти дорогие вещи, скажем, тот же чернильный прибор с совой, стирать незаметно для хозяина. Когда Онуфриенко наводил на собеседника свой крупный бельмастый глаз, становилось как-то не по себе, а по спине пробегал холодок, Елисеев невольно робел, чувствуя себя не в своей тарелке.

«О каких компенсационных выплатах идет речь?» – хозяин кабинета привстал с кресла и снова сел. Онуфриенко полез в карман пиджака, достал сложенный вдвое почтовый конверт и положил его на стол. Повертев конверт в руках, Елисеев убедился, что на нем нет ни адреса

получателя, ни имени отправителя. Он оторвал полоску бумаги, вытряхнул на стол два листка из ученической тетради, исписанных старушечьим бисерным подчерком. «Письмо от некоего Вити Барбера, – пояснил Кривой. – Вам это имя наверняка незнакомо. Но именно он выдоил из вас два лимона. В письме все написано. А что нельзя было написать, я передам на словах». Елисейев, разложив перед собой листки, начал читать текст. А, дочитав, поднял трубку, приказал секретарю срочно отменить встречу с главой страшнодзора, ни с кем его не соединять по телефону и вызвал в кабинет своего младшего брата, начальника службы безопасности Николая Елисейева.

* * *

Беседа за закрытыми дверями продолжалась до вечера, поочередно наверх вызывали всех начальников отделов «Каменного моста» вместе с бумагами. Мальгина пригласили уже в тот момент, когда братья приняли решение и согласились на условия Онуфриенко, а участники совещания переместились в специальную комнату, соседствующую с кабинетом. Мальгина усадили за стол напротив Кривого, и Елисейев старший, возбужденно жестикулируя, изложил суть дела.

Два года назад питерский филиал «Каменного города» заключил договор страхования с фирмой «Интерсервис» на случай краж, стихийных бедствий, взрыва газа или пожара. Фирма, судя по представленным документам, ввозила в Россию крупные партии строительных материалов, лаки, краски, обои и туалетную бумагу. «Интерсервис» арендовал пустующие складские помещения площадью четыре с половиной тысячи квадратных метров на одном из оборонных заводов в районе Черной Речки, где хранил свой товар и отгружал его оптовым покупателям. Договор был заключен на два года, страховые взносы выплачиваются «Интерсервисом» ежеквартально, таким образом, договор вступил в силу. А через полтора месяца возник пожар, имущество «Интерсервиса» было полностью уничтожено огнем. Акт пожарно-технической экспертизы свидетельствовал о том, что возгорание возникло вследствие замыкания электропроводки.

По договору страхования «Каменный город» должен был выплатить «Интерсервису» один миллион восемьсот тысяч долларов. Руководитель питерского филиала, посоветовавшись с Москвой, начал тянуть время и под разными предлогами затягивать процесс получения страховых выплат, ссылаясь на пробелы в законе о противопожарном страховании. В Москве надеялись, что с «Интерсервисом» можно пойти на мировую: договориться о существенном уменьшении страховых выплат. Нужно тянуть время, чтобы клиент созрел. Но хозяин «Интерсервиса» некто Сергей Павлович Уланов не поддавался на уловку, он не хотел ждать ни одного лишнего дня. Подал исковое заявление в суд, требуя ареста счетов «Каменного моста» и пакета его акций в обеспечение компенсационных выплат. Арбитражный суд собирался принять сторону истца. Если бы арест счетов состоялся, это надолго парализовало работу «Каменного моста».

Руководителю питерского филиала страховой компании начать переговоры с Улановым. «Каменный мост» настаивал, чтобы размер компенсационных выплат был сокращен с одного миллиона восьмисот тысяч долларов хотя бы до одного миллиона. В этом случае «Каменный город» немедленно, без всяких проволочек, перечислял деньги на счет «Интерсервиса». Базар продолжался три дня, Уланов и его адвокаты выжали из «Каменного моста» миллион двести тысяч. После чего глава «Интерсервиса» отозвал заявление из арбитража, обналичил деньги, расплатился с адвокатами и исчез неизвестно куда. «Я не исключаю, что у преступников были сообщники в испытательной пожарной лаборатории, люди, которые состряпали акт о замыкании в электропроводке, скрыв факт поджога складов, – сказал Елисейев старший. – Возможно, кто-то из наших сотрудников помогал аферистам. Сейчас концов не найдешь».

Позже выяснилось, что «Интерсервис» не закупал за границей никаких строительных материалов, все товары и материалы, что сгорели на складах, аферисты брали у различных питерских фирм якобы на реализацию. Районная прокуратура возбудила уголовное дело по факту мошенничества, нашли некоего Сергея Павловича Уланова, тридцати пяти лет, неработающего, коренного питерца, разведенного и бездетного. Именно по паспорту Сергея Павловича была зарегистрирована фирма «Интерсервис». Уланов – запойный алкаш, инвалид, который потерял правую ногу, по пьяному делу свалившись на железнодорожные пути Московского вокзала во время прибытия электрички. Уланов не помнил, когда и при каких обстоятельствах посеял или пропил свой паспорт. На том все остановилось, дело «зависло», а впоследствии было закрыто.

Глава четвертая

Спустя четыре месяца питерская история повторилась в Самаре. Там сгорел склад бытовой химии и моющих средств, застрахованный «Каменным мостом». Дело с получением компенсаций, как обычно, затягивалось, и погорелец, фирма «Элегант», подала заявление в местный арбитраж. После переговоров «Элегант» пошел на мировую, согласившись получить миллион долларов, вместо полутора миллионов, положенных по страховке. Обналичив деньги, владелец «Элеганта» скрылся, а прокуратура возбудила уголовное дело по факту мошенничества. Моющие средства и бытовая химия, сгоревшие на пожаре, принадлежали крупному московскому оптовику и были получены на реализацию под залог фальшивого векселя Сбербанка на сумму в два миллиона долларов. Как и в питерском случае, «Элегант» зарегистрировали по подложному паспорту, украденному на местной толкучке у одного из покупателей. Ниточка, ведущая к организаторам аферы, снова оборвалась.

И вот аферист Витя Барбер нашелся сам, сознался в содеянном. Прислал нарочного. Именно он организовал питерское и самарское дело, зарегистрировал фирмы по подложным документам, оформил страховку, устроил поджог складов и, сорвав банк, скрылся. Витя Барбер второй год пыхтел на зоне под Иркутском. И чалиться ему еще долгие девять лет, но досиживать срок не хочется. Барбер жаловался на здоровье, на плохой климат и обещал вернуть все два миллиона долларов, если ему помогут бежать из колонии. Предложение, если разобраться, совершенно дикое, несуразное. И, главное, преступное. Но заманчивое...

«Почему он обратился к нам, к пострадавшей стороне? – спросил Мальгин. – Он не боится, что его письмо мы отнесем в милицию?» «Свяжетесь с милицией, не увидите денег, – усмехнулся Кривой. – Барбер мотает срок за двойное убийство. Если этапируют в Питер и в Самару, и там повторно осудят за мошенничество, к его сроку не прибавят ни одного дня. Таков закон. Поэтому, отправляя письмо, он ничем не рисковал. К вам обратился, потому что знает: за два лимона вы в лепешку расшибетесь, но с кичи его вытащите. И еще... Кроме вас Барберу некому это сделать. Из меня плохой помощник. А других друзей на воле у Вити не осталось. Все, кого он привлекал к своим делам, сегодня уже не пляшут. Кто сидит, кого грохнули».

«Почему он избрал своей целью именно питерский и самарский филиалы? Почему не действовал в Москве? Почему цель аферистов именно „Каменный мост“, мало ли других страховых компаний?» – высыпал вопросы Мальгин. «На местах, в Самаре и Питере, служба собственной безопасности мышшей не ловит, – надул щеки Елисеев младший. – В Москве Барберу ничего не светило. Мы бы его тут... А „Каменный город“ – солидная контора, на наших счетах в лучшие времена лежали реальные деньги. И теперь наши бабки плывут обратно, к нам в руки». «Что ты хочешь сказать? – не сразу понял Мальгин. – Что мы согласимся?» «Решение уже принято, – Елисеев младший рубанул ребром ладони воздух. – Мы вытащим Барбера с зоны и получим обратно два миллиона. „Каменный мост“ задыхается без налички. А эти бабки – наш шанс подняться».

Старший брат показал пальцем на Кривого и добавил: «Он не требует процента. Просит выдать ему пятьдесят штук за посреднические услуги». «Пятьдесят штук за то, что перекинул маляву с зоны? – удивился Мальгин. – Ну и расценки». «Не только за письмо, – Елисеев, не любивший долгие объяснений, поморщился. – Он выведет нас на людей, без которых мы не сможем ничего сделать. Кроме того, расчет – по окончании дела. Когда деньги вернутся к нам, он получит свой полтинник. Это мое решение».

Спорить не имело смысла, но Мальгин еще мог отказаться. Мог встать и закрыть за собой дверь. Мог написать заявление об уходе с работы. Но он никуда не ушел, он остался сидеть в прокуренной спецкомнате. Почему он остался? Мальгин не мог внятно ответить на этот вопрос до сих пор.

* * *

Кафе «Закарпатские узоры» разместились в тихом переулке в районе Сухаревки. Даже в обеденный перерыв посетителей здесь было немного. Мальгин, решив с сегодняшнего дня обходиться без палки, прошел зал нетвердой походкой, едва заметно прихрамывая на больную ногу, и приземлился за дальним столиком.

Утром он выписался под расписку из больницы и сейчас чувствовал себя человеком, свободно располагающим своим временем, далеким от прозы жизни. Он успел завернуть домой, осмотреть родные пенаты, за время отсутствия хозяина квартира приобрела какой-то нежилой запущенный вид. На столике все та же пепельница, полная окурков, журнал «За рулем» раскрытый на десятой странице, гудит холодильник, хранящий в себе два пакета прокисшего молока и замороженные котлеты. Старинный телевизор, обросший слоем пыли, напоминал экспонат музея древностей. Все на месте, жизнь катится по своим рельсам, хотя никто этого не замечает.

Засунув в стиральную машинку грязное белье, Мальгин принял душ, стараясь отскоблить от себя запахи казанного дома. Но крепкий больничный дух, запахи лекарств и хлорки, так глубоко въелись в кожу, что до конца с задачей справился не удалось. Освежившись одеколоном, переделся в серый костюм и однотонную рубашку, сунул в портфель набор ключей и отмычек, а в карман выкидной нож с пятнадцатисантиметровым обоюдоострым клинком. Он уже собирался выходить, когда неожиданная трель телефонного звонка заставила дать задний ход.

– Я пришел в больницу, а твой след простыл – загробный голос прокурора Закирова звучал зловеще. – Чем занимаешься?

– Пью чай, – бездумно соврал Мальгин. – А у вас что, есть новости?

– Ты подумал над моим предложением? Вспомнил того человека, четвертого, с кладбища?

– Вспоминаю, но пока безуспешно.

– Поторопись, – Закиров хмыкнул. – И помни мой прогноз. На свободе гулять тебе недолго. Если будешь упрямяться, ссылаешься на дырчатую память, нарвешься на бандитскую пулю. Или сядешь на нары. Одно из двух. А если вспомнишь, можешь прогуляться со мной и почесать языком. В любое время. А теперь приятного чаепития. Я еще позвоню.

Мальгин положил трубку и выругался, отделаться от Закирова куда трудней, чем казалось еще вчера. Заперев квартиру, Мальгин вышел во двор и осмотрел свой «Опель», брошенный у подъезда. Задний баллон проколот чей-то шкодливой рукой, аккумулятор, видимо, сел, правого зеркальца не хватает. С тачкой придется повозиться, чтобы поставить ее на ход. Поймав такси, Мальгин отправился в «Закарпатские узоры», твердо уверенный, что милицейский подполковник легко простит ему получасовое опоздание.

Проскурин, одетый в гражданский костюм, уже расправился со вторым блюдом и перешел к десерту, мороженому с клубничным вареньем. Глянув исподлобья на Мальгина, он не подал руки, поскольку рядом могли оказаться соглядатаи недоброжелатели, только промычал что-то невразумительное, похожее на «зрась». И стал вычерпывать ложечкой растаявший пломбир. В зале было душно, с кухни сюда заносило вентиляцией запах пережаренного лука и подгоревших антрекотов.

– Как наши успехи? – спросил Мальгин, обмахиваясь карточкой меню, как веером. – Успел?

Проскурин постучал пальцами по газете, лежавшей на краю стола. В «Известия» был вложен желтый конверт плотной бумаги.

– Я-то успел, – сказал Проскурин. – А вот ты, похоже, опоздал. Тут копия протокола осмотра места происшествия и шесть фотографий. Твоего Онуфриенко вывезли в заброшенный гараж в районе Лосинового острова. Место там уединенное. Дети, старухи и собачники опасаются гулять в лесополосе, когда темнеет. Так вот, Кривого пытал в этом гараже на протяжении нескольких часов. А затем, уже под утро, ему под шею подложили кирпич. Чик и разрубили горло и пищевод тупым топором. Видно, другого инструмента под рукой не оказалось.

Проскурин сделал глоток лимонного напитка со льдом и зажмурился от удовольствия.

– Жарко, – сказал он. – Дождь будет.

– Уже есть какая-то версия? – Мальгин свернул на другую тему.

– На корыстное убийство не похоже, Кривой не был богатым человеком, скорее наоборот. И воровским ремеслом, по нашим данным, в последние месяцы не занимался. Бельмо на глазу, плюс к тому полиартрит. Пальцы рук его плохо слушались. С такими физическими данными он засыпался бы на первой краже. Убийцы полагали, что он обладает какой-то информацией и хотели что-то выдоить из него. Ну, тут два варианта. Или Кривой раскололся, потому что таких пыток человек выдержать не может. Или он ничего не знал. Последнее больше похоже на правду. Короче, это какая-то своя воровская разборка, в которую даже лезть не хочется. Одна вонь.

Когда подошел официант в синей косоворотке и красном фартуке с ручной вышивкой, Мальгин заказал большую чашку кофе и пирожное с кремом. Итак, взрыв на кладбище случился в ночь с девятого на десятое августа. Если Кривого грохнул Барбер, значит, убийство произошло...

– Хочешь я угадаю день, когда убили Кривого? – спросил Мальгин. – Ночью одиннадцатого августа. Или десятого. В точку?

– Как всегда, мимо, – покачал головой Проскурин. – Его убили в ночь с седьмого на восьмое августа. Труп нашел один местный ханыга, собиравший по утрам пустую посуду. Так что эксперты прибыли, когда труп был почти теплый, поэтому время смерти установили с точностью до минуты – пять утра. Ну, тут все это есть.

Он снова постучал пальцем по газете и вложенному в нее конверту.

– Сколько? – спросил Мальгин.

– Обычная такса. Плюс по двадцать долларов за каждую фотографию.

– Двадцатку за фото берут с журналистов из криминальных новостей.

– Теперь и со страховщиков. Я подумал, что карточки тебе пригодятся, чтобы представить всю картину случившегося. Кстати, откуда такой интерес к этой швали? Что, Кривой застраховал в «Каменном мосте» свои фамильные драгоценности?

– Мы проверяем одного клиента, который в свое время поддерживал с ним отношения. Речь идет о крупной страховке. Поэтому приходится буквально рыть носом землю.

– Ну-ну, желаю успеха.

Доев мороженое, Проскурин облизал ложечку, порция оказалась слишком маленькой. Мальгин вытащил из внутреннего кармана бумажник, но милиционер сделал большие глаза и оскалил зубы.

– Ты с ума сошел, – прошипел он. – Не здесь.

Мальгин поднялся, пересек зал, вышел в холл, открыл дверь туалета и, убедился, что вокруг никого нет. Он отсчитал деньги, завернул купюры в кусок бумажного полотенца. Днем «Закарпатские узоры» работали как обычная столовка. Вечером, здесь танцевали под оркестр, в мужском туалете какой-то старикан чистил ботинки кавалеров. Он запирали свои щетки и гуталин в фанерной тумбочке, стоявшей возле умывальников. Нагнувшись, Мальгин сунул деньги под тумбочку, сполоснул руки под струей воды и посмотрел на себя в зеркало. Так себе вид, не блестящий. Кожа бледная, тусклые глаза, за время вынужденного отпуска, проведен-

ного в больницах, он потерял добрых семь килограммов веса. Пригладив волосы расческой, он вернулся в зал, сел к столу.

– Под тумбочкой для чистки обуви. В сортире, – сказал он.

– Счастливо оставаться. Всегда можешь рассчитывать на меня.

Проскурин, уже рассчитавшийся за обед, он встал и вышел из зала, оставив в пепельнице дымящуюся сигарету. Мальгин придвинул к себе газету с конвертом.

* * *

В парадном дома, где еще совсем недавно жил Онуфриенко, было так тихо, что запросто услышишь, как внизу перекрикиваются птицы. Оно и понятно, ребятни в городе немного, служивый люд на работе, а пенсионеры коротают время в ближнем сквере.

Поднявшись на седьмой этаж, Мальгин вытащил из кармана связку ключей, постоял пару минут перед опечатанной дверью, прислушиваясь к посторонним звукам: шагам за соседскими дверями, разговорам, но ничего не услышал, только откуда-то снизу доносился тонкий младенческий плач. Взявшись за дело, Мальгин решил, что тут легко обойдешься без отмычки, замок копеечный. Прикинув на глазок, какой ключ из его коллекции подойдет, он сунул его прорезь. Туговато. Вытащив ключ, капнул на него солидолом из масленки, снова вставил скважину. Отлично, фарт так и катит, если мелкое везение можно назвать фартом. Ключ легко повернулся на два оборота. Лезвием выкидного ножа, Мальгин разрезал поперек бумажную полоску с печатями и чьей-то неразборчивой подписью, освободил от пластилина пеньковую веревочку, и, толкнув дверь, переступил порог.

Однокомнатная берлога Кривого, окнами выходящая во двор, скорее напоминала приют, чем человеческое жилье. Следов напыления графитового порошка на мебели не было, значит, отпечатки пальцев милиционеры, проводившие обыск, не снимали. После беглого осмотра кухни и комнаты о хозяине твердо можно было сказать только одно: на горячительных напитках он не экономил, но во всем остальном себе отказывал. На кухне капала вода из крана. В умывальник, изъеденный пятнами ржавчины, пришла на водопой кампания тараканов. Мальгин заглянул в помойное ведро, на дне которого, лежало несколько покрытых наростом плесени хлебных корок. Открыв дверцу двухкомфорочной плиты, Мальгин заглянул туда и поморщился: на обгорелой сковороде кусок надкусанной колбасы, сморщенный от времени. Чрево кухонного стола битком забито пустыми бутылками и трехлитровыми банками из-под яблочного вина.

Холодильник отключен от розетки, дверца открыта. На нижней полке вздувшаяся банка рыбных консервов с выцветшей от старости этикеткой. Правый угол кухни и подоконник заставлены пыльными флаконами из-под водки. В ящике разделочного стола один нож и одна вилка с гнутыми зубцами. В стену вколот круглый значок с надписью «Мы на пироги». Переместив поиски в комнату, бросив взгляд на прикрепленный к стене плакат голой девахи, бесстыдно раздвинувшей ноги, Мальгин методично обшарил шкаф. В полках несвежее белье, замусоленные колоды карт. На вешалках болтался старый макинтош, зимнее пальто с вытертой до дыр подкладкой и барашковым воротником, рассыпавшимся, траченным молью. Еще пиджак из синтетики, какие носили лет двадцать назад, и несколько мятых сорочек.

Под продавленным диваном лишь пыль, хлебные крошки и окурки, скуренные до фильтра, в бельевой тумбочке скомканное одеяло и пара маленьких, каких-то детских, подушек без наволочек. Вытряхнув это барахло на пол, Мальгин увидел на дне тумбочки старый альбом в сафьяновом переплете, украшенным медным вензелем и надписью «Сочи». Положил альбом на подоконник, он залез на стул, убедившись, что на шкафу нет ничего кроме разломанного телефонного аппарата и книги «Сам строю дом». Других книг в квартире не оказалось. Видимо, построить дом – мечта Кривого, мечта которой не суждено было сбыться. Ни

телевизора, ни радиоприемника, даже копеечного радио нет... Зато на стуле в дальнем углу стояло единственное здешнее украшение гармонь трехрядка, облицованная пластмассой под перламутр. Нескольких кнопок клавиш не хватало, облицовка треснула поперек.

Онуфриенко виртуозно играл на гармонии и обладал такими вокальными данными, что без труда мог рассчитывать на роль солиста в ансамбле художественной самодеятельности. Помимо воровских песен наизусть помнил репертуар многих эстрадных певцов. Во времена между отсидками, когда он подолгу задерживался на воле, Кривого приглашали в компании попеть на женский день, на именины, крестины и даже на свадьбы. Пожалуй, он мог бы выдавливать слезу, растрогать собравшихся и на поминках. Но на поминки с гармонью не пускали.

* * *

Вытерев руки платком, Мальгин уселся посреди комнаты, точно под пластмассовой люстрой «каскад» и закинул ногу на ногу. Он был разочарован результатами обыска, и не мог скрыть разочарования от себя самого. Но, если хорошенько разобраться, что он, собственно, ожидал здесь увидеть? Кабалистические знаки, выведенные на полу этой убогой комнатенки? Пентаграммы? Имена убийц Кривого, написанные кровью на стенах? Онуфриенко грохнули в тот день, когда Барбер, пристегнутый цепью к двухпудовой гире в компании охранников отсиживался на съемной хате, звенел цепью и с нетерпением ждал своего часа. Барбер отпадает, как сухой лист. Крови Кривого на нем нет.

Скорее всего, Кривого похитили и вывезли в район Лосиног Острова не из его берлоги, заставленной бутылками. Следов борьбы в квартире нет. Одно из двух: или он хорошо знал своих убийц, или его перехватили вечером в темном сквере и, заткнув в горло пару носков, вывезли в тот самый брошенный гараж. Соседка рассказывала, что гости у Кривого появлялись редко. Но предпочтение следует отдавать первому варианту: похищение на улице. Близких друзей у Кривого не было, если не считать Барбера. К людям Онуфриенко относился недоверчиво, да и они платили ему той же монетой.

Пересев на диван, Мальгин вытащил из портфеля желтый конверт, и начал бегло читать корпию протокола осмотра места происшествия с середины, начинать сначала не имело смысла, все протоколы одинаковы: для начала указывают имена и должности людей, проводивших следственные действия, за ними следуют понятия. "Гараж принадлежал пенсионеру Сидоркину Г. Е., здесь он хранил огородный инвентарь и машину «Запорожец». Со смертью Сидоркина помещение пришло в негодность и пустовало. Гараж отделяет от ближайшего жилого массива полторы тысячи метров лесных посадок. Электрическое освещение в гараже отсутствует. О проживании здесь лиц без определенного места жительства, данных не имеется. Стены и крыша из досок, обшиты ржавыми кусками железа, ворота из не струганных досок с продольной перекладиной. Замка нет. Пол земляной, плотно утрамбованный. У стены в задней части гаража лежит вязанка дров.

На полу потухшее кострище. Возле правой стены старый тюфяк в бурых пятнах, напоминающих кровь. На земляном полу пуговицы, возможно, от рубашки пострадавшего. Рядом с кострищем жестяная пятилитровая банка, на дне которой застывший битум, с левой стороны от входа в гараж палка со следами битума на тонком конце. Капли расплавленного битума также усматриваются на земле, груди, лице и бедрах пострадавшего. Обгорелых спичек или коробки от них не обнаружено. В правом дальнем углу гаража лежит лыжный мужской ботинок с дырявой подошвой. На земляном полу рядом с кострищем расколотый надвое кирпич и пятна крови около полуметра в окружности.

Труп мужчины лежит на спине справа от входа в гараж, руки разбросаны по сторонам. Светлая рубаша на груди разорвана, штаны и трусы спущены. Следов ног, подошв ботинок, а также пальцев в гараже обнаружить не удалось. Для обнаружения пальцевых отпечатков

использовался косо направленный свет и опыление порошками. До приезда милиции в гараже побывали местные жители, однако они уверяют, что к предметам, разбросанным по полу, и трупу близко не подходили. Служебная собака следов подозреваемых в преступлении лиц не взяла". Ну, и так далее, обычная белиберда. Никто ни к чему не прикасался, ничего не трогал, и вообще, когда человека мочили, весь микрорайон спал непробудным сном. Ни следов убийц, ни очевидцев трагедии найти не удалось. Сначала милиционеры приняли Онуфриенко за бомжа, которого и убили те же бомжи, как говорится, на фоне личной неприязни. А потом нашли в его кармине свидетельство инвалида второй группы. Пропустили через компьютер. Вор-рецидивист. Ну, с этим персонажем копать – только время тратить. Будь он хреном с горы, делегатом или депутатом, даже клерком из мэрии, вот тогда пришлось бы почесаться. Начальство слетелось бы к тому гаражу, как орлы. А так... Одна головная боль.

Судебный эксперт, проводивший вскрытие утверждал, что суставы рук Онуфриенко расплющены каким-то тяжелым предметом, каким мог быть молоток, топор или кирпич. Внутреннюю поверхность бедер, чувствительную к ожогам, а также и пятки, прижигали окурками и расплавленным битумом. В лицо тыкали горячей ветошью или тряпками, физиономия Онуфриенко сильно закоптилась, ресницы и брови сгорели. Сосок на правой груди вырван клещами. Оба глаза выдавлены палкой или руками. Местами, особенно ниже пояса, тело залито кипящим битумом, прижжено окурками. Смерть наступила два часа назад, то есть в четыре сорок пять утра вследствие перерубания пищевода и горла потерпевшего тяжелым острым предметом, каким может являться, например, топор большого размера или колун".

Взяв пустую банку из-под газировки, заменявшую пепельницу, Мальгин пару минут разглядывал снимки. Перед смертью Онуфриенко здорово досталось. Обычно люди, находящиеся в таком состоянии, вспоминают все: что было и чего не было. Лишь бы хоть на минуту облегчить свои страдания. Кстати, интересно, почему убийцы не оставили в гараже топор, щипцы... Улики? Сомнительно. Какая уж там улика из топора, какие штампуют десятками тысяч и продают на всех строительных рынках и в хозяйственных магазинах. Значит убийцы люди запасливые, прижимистые, молоток или топор денег стоят, они для следующего дела могут сгодиться. Возможно, на примете уже есть следующая жертва. Мальгин невольно улыбнулся этой мысли, хотя ничего забавного она не содержала.

Поднялся, взял с подоконника альбом и стал переворачивать листы из толстого картона, потрепавшиеся на углах. Большинство фотографий были сделаны в последние годы жизни Онуфриенко и вклеены в альбом при помощи дешевого канторского клея, бумага пожелтела быстро. Интерьер, в котором проводили съемку, самый привычный: стол, бутылки, чьи-то пьяные морды. Но странная вещь: три фотографии с разных страниц альбома вырваны, старательно, со знанием дела. Их не просто дергали за край, их вырезали бритвой или «пиской», вместе с картоном. Мальгин открыл портфель, положил в него бумаги, полученные от подполковника Проскурина и альбом Кривого. Уходя, запер дверь, осторожно, лезвием ножа, приладил на место веревочку, а разорванную бумажку так и оставил, как есть. Дети баловались, случайно повредили...

* * *

Вернувшись домой, Мальгин закрыл дверь на оба замка, потащился в кухню, дав себе слово, что ночует в собственной квартире последний раз. По крайней мере, до тех пор, пока не кончится вся эта чертовня со взрывами на кладбище и покойниками из заброшенного гаража, он не станет сюда приходить. Собственная жизнь, как к ней не относись в минуты меланхолии, тоже не последнее дело.

Не зажигая света, он поужинал овсяными хлопьями, размоченными в молоке. Тем же молоком запил ужин, оказавшийся не слишком сытным и обильным. Затем доплелся до кро-

вати, на ходу скидывая с себя одежду. Он поставил курок «Астры» в положение боевого взвода, сунул пистолет под подушку. Гостей он пока не ждал, но чем черт не шутит. Фотографии изученного Онуфриенко, сколько не гони изображения прочь, отчетливо, во всех деталях, стояли перед глазами. Если уж гости придут, лучше быть наготове, а не оказаться в положении жертвенного агнца.

Уставившись в потолок, он наблюдал, как в комнату вползают дождливые сумерки. От ближайших дней и недель, если их все-таки удастся прожить, он не ждал ничего хорошего, ни одного подарка судьбы, самого пустячного, самого грошового. Ну, может, удастся без билета в троллейбусе прокатиться. Вот и весь подарок. Правда, вот с альбомом ему сегодня повезло. Но как знать, чем обернется такое везение...

Он долго ворочался, выбирая положение, при котором не так сильно болят сломанные ребра. Закинув руки за голову, стал вспоминать, как начинался практический этап вызволения Вити Барбера с зоны строгого режима под Иркутском. Планов в Москве было построено множество. Особенно усердствовал Елисеев младший. Он ни разу не попадал в милицию даже за мелкое административное нарушение, лишь по молодости как-то залетал в трезвяк и проторчал там полдня, никогда не имел дело с правоохранительными органами. Представление о быте и нравах зоны составил по фильмам, режиссеры которых тоже по зонам тачек не катали и баланду не хавали. И еще по какой-то сомнительной брошюре, купленной на книжном развале, книжку Елисеев всюду таскал с собой, заглядывая в нее часто, как батюшка в поминальник.

Благодаря почерпнутым знаниям, он считал себя крупным специалистом в области лагерной жизни и тамошних порядков. Ежедневно в его голове роились, как дикие пчелы, десятки планов побега. Планов диких, идиотических и совершенно неосуществимых, с подкопами, крупными взятками всем встречным поперечным начальникам и даже стрельбой. «Универсальный ключ, который открывает все зонные ворота – это деньги, – десять раз на дню веско заявлял Елисеев. – Вопрос только, кому сунуть бабки. Вот главный вопрос». «Всем не насыешься, охотников до твоих денег больно много будет», – отвечал Мальгин, но потом перестал отвечать, потому что надоело. Уже составивший свой план, Мальгин подолгу разговаривал с Онуфриенко, один на один засиживаясь с ним после работы в спецкомнате, выяснял все детали, которые могут пригодиться в деле. Брать с собой в Иркутск Кривого в качестве консультанта, нет, об этом и речи быть не могло. Онуфриенко личность в тех краях слишком приметная, план сыпанется, еще не успев развернуться.

И еще Мальгин дни напролет проводил в поисках не слишком болтливого адвоката, не какого-то фуфлового хмыря, а настоящего адвоката с действующей лицензией, нуждавшегося в деньгах, готового за не слишком высокий гонорар, составить компанию в рисковом деле. Такой человек после долгих поисков нашелся. Это был некто Борис Левин. Он давно запутался в своих женщинах, карточных долгах, детях, собственном бизнесе, от которого остались одни воспоминания, и вообще во всем на свете. Он растерял солидную клиентуру, бросил масштабные дела, потому что в прежние годы их неизменно проигрывал. Серьезные люди, знавшие репутацию Бори, не дали бы ему займы и десятки баксов. Финансовые дела конторы «Левин и сыновья», а сыновей у адвоката не было, только дочери, находились в упадке, Московская коллегия адвокатов со дня на день готовилась лишить Левина адвокатской лицензии из-за каких-то неприглядных историй, которых накопился вагон и маленькая тележка.

Но Боря сам решил все проблемы одним махом: выехать на постоянное место жительства в Израиль – вот выход. Плевать он оттуда хотел на все свои московские подвиги, даже если здесь, в столице любимой родины, на него заведут уголовное дело, – тоже ерунда. Израиль своих граждан кому попало не выдает. С получением гражданства все ясно, оно уже, можно сказать, в кармане. Но вот что делать в Израиле человеку плохо обеспеченному, этот вопрос оставался открытым. Занимать очередь за пособием или жениться на богатой старухе? Оба варианта Левину не нравились. Бедных там, мягко говоря, недолюбливают. «Больших бабок

я не обещаю, – сказал Мальгин. – Но тридцать пять штук наличманом получишь. Это без кидалова. Аванс пятнадцать штук. Остальное по окончании дела». «Не густо», – Левин, сделав волевое усилие, нахмурил брови, протер стекла очков безупречно чистым платком.

Боря выглядел солидным господином, оседлавшим вершины жизненного успеха. Высокий, статный, одетый в темно синий костюм в мелкую полосочку, волосы напомажены какой-то запашистой дрянью, а на носу сидят настоящие золотые очки. На этот костюм, модное пальто и туфли были потрачены последние деньги, но адвокат без хорошего прикида, – это даже не человек, просто пустое место. «Как хочешь», – ответил Мальгин.

"Подожди, я же не сказал слова «нет», – кислое выражение лица исчезло, Боря обнажил в улыбке все тридцать два прекрасных зуба, над которыми постарался земляк израильтянин, кстати, так и не получивший платы за честный труд. Последний год для Левина выдался тяжелым, он работал за сущие копейки, выправляя какие-то бумаги дачным сутяжникам пенсионерам, которые годами судились друг с другом из-за спорной полоски земли или неправильного поставленного забора. Причем в этих земельных спорах сам Левин принимал то одну, то другую сторону, в зависимости от конъюнктуры.

За тридцать пять штукарей он был готов перегрызть горло любому, кому скажут. «Тогда так, я кладу бабки в твой сейф, – сказал Мальгин. – И оставляю себе ключ. Мы вылетаем в Иркутск. Там еще немного прокатимся. Ты сделаешь, что надо. Это не мокруха, работа по бумажной части. В Москве окончательный расчет». «А-а», – начал Левин. «Все дорожные расходы беру на себя», – упреждая вопрос, ответил Мальгин. Через знакомого уголовного авторитета он выправил себе паспорт на имя Валерия Клинецевича, а Левин сделал ему удостоверение своего помощника по гражданским делам и связям с общественностью.

И все бы шло своим порядком, но дело портил Елисеев младший, совавший нос, куда не следует, донимавший своими бестолковыми советами и указаниями. То, что важное мероприятие, проходит без его участия и руководства, больно давило самолюбие. «Я вообще не понимаю, не кой хрен нам нужен этот так называемый юрист, – орал Елисеев младший. – Он ни одного дела не выиграл. Пусть занимается бабкиными заборами и грядками. Да еще за тридцать пять штук наличманом... Ты с ума спятил вместе с этим Левиным. Там в Иркутске он в первый же день обделается и полетит обратно в Москву менять подгузники». Но вопрос с Елисеевым все же удалось решить спокойно. Устав от бесконечных придинок, воплей и умных вопросов, Мальгин сказал: «Коля, если ты мне доверяешь, я стану поступать, как я считаю нужным. Если нет, уйду сегодня же. А ты действуй по обстановке».

Разумеется, Елисеев уступил, только и не хватало, пересобачиться друг с другом, из-за нескольких ненароком брошенных обидных слов потерять два миллиона долларов. Елисеев сдержался. Последний вопрос, который он задал, был таким: «Надеюсь, что оружие вы берете?» «Разумеется, берем, – соврал Мальгин. – Куда же нам без оружия».

Глава пятая

В Иркутск Мальгин и Левин вылетели в конце июня. Перекантовались пару дней в городе, выехали в Усть-Ордынский, большой рабочий поселок примерно в семидесяти километрах от Иркутска. Еще двадцать километров проехали на попутном лесовозе и устроились на ночлег в поселении, выросшим вокруг зоны. До этого срока связь с Барбером Онуфриенко поддерживал по почте и по телефону, раз в месяц Вите, как ээку, вставшему на путь исправления, разрешили поговорить с Москвой. Повод для визита в Бурятию подобрали самый уважительный.

К июню, когда операция вступила в начальную стадию, Барбер, как и было задумано, накатал письмо на адрес фирмы «Левин и сыновья» с просьбой вести его гражданское дело о юридическом оформлении дарения дачного участка и дома в Подмосковье. Имущество Барбера, а всего имущества и был этот старый рубленый дом с яблоневым садом в пригороде Егорьевска, не конфисковано судом, и теперь представился случай грамотно распорядиться добром. Барбер, узнавший о том, что племянница Наталья Гордеева год назад вышла замуж, решил сделать родственнице щедрый подарок. Пускай молодожены живут в радости и вспоминают родственника, человека доброго, но сбившегося с пути. Для зонного начальства все выглядело логично. Действительно, зачем ээку, мотающему долгий срок в Сибири, участок и дом в Подмосковье.

Барбер писал «Левину и сыновьям», что подал рапорт на имя начальника отряда, капитана внутренней службы Ельцова с просьбой разрешить встречи с московским юристом и получил «добро», бумага пошла наверх к заместителю начальника ИТК по режиму. Пылиться бы тому рапорту на столе кума целый месяц в ожидании резолюции. Но Барбер, за время отсидки успевший завести немало полезных знакомств, подмазал кого-то из мелких чинов лагерной администрации, кум вызвал ээка для короткой беседы и резолюция «разрешить встречу с адвокатом» появилась на рапорте уже на третий день.

В письме Барбер просил адвокатскую контору позаботиться о юридическом оформлении передачи имущества, при этом вопрос оплаты гонорара юриста, дорожных и прочих расходов возьмет на себя та самая племянница Наташа. Вскоре на зону пришел ответ, отпечатанный на бланке адвокатской конторы и для убедительности сдобренной круглой колотушкой: господин Левин встретился с Людмилой Сергеевной Перовой, племянницей Барбера, получив задаток, составил и подписал договор на ведение данного гражданского дела. И уже приступил к юридическому оформлению сделки, для чего в ближайшее время прибудет в ИТК вместе со своим помощником Клинецвичем.

Вся эта мышьяная возня с племянницей, едва помнившей дядю, яблоневым садом и рубленым домом под Егорьевском, была затеяна лишь потому, что другого пути подобраться к Барберу, войти с ним в контакт, просто не существовало. При условии примерного поведения ээка свидание с самыми близкими родственниками, матерью или женой, разрешалось дважды в год. Но Барбер не был женат, и не мог вспомнить даже по бухому делу, была ли у него когда-то мать. Но пресловутая племянница, девушка семнадцати лет, попавшая в интересное положение и выскочившая замуж год назад, этот домик под Егорьевском с огородом, заросшим сорняками, и завалившимся забором, действительно существовали. И оперативники исправительно-трудовой колонии наверняка отбили в Подмосковье соответствующий запрос. А заодно уж и племянницей поинтересовались. Все выходило по закону. Человеку, находящемуся в заключении, не запрещено решать свои имущественные проблемы, вопросы покупки или отчуждения недвижимости, привлекая для этого адвоката по гражданским делам.

Находишь зона где-нибудь в средней полосе России, под Владимиром или Рязанью, вытащить Барбера было гораздо проще. Но его заткнули в такую глухомань, где появление любого нового человека становится первостатейным событием. О том, чтобы нагрнуть в лагерный

поселок под видом туристов, путешествующих по Бурятии, землемеров или геологов из Иркутска, и речи быть не могло. Это дело дохлое. Разведка режимной службы работает по-военному, быстро и четко, ее осведомители не даром едят свой хлеб. О появлении подозрительных чужаков первым узнает лагерный кум.

И как только Мальгин и Левин попытаются войти в контакт с вольнонаемными, работающими на зоне, через них сунуть маляву Барберу, их прихлопнут. Неприятности продолжатся в СИЗО, где в первую же неделю подозреваемым отобьют почки, и закончатся обвинительным приговором в зале суда. И Барбер в стороне не останется, не отвертится, во всем сознается под побоями. К его и без того долгому сроку припаяют верную пятерочку за попытку организации побега.

Исключена возможность, достав подложные документы, выдать себя за родственников Барбера, чтобы получить с ним личное свидание и вообще устроиться в лагерном поселке на законных основаниях, чтобы координировать будущий побег. Та же режимная служба проверяет всю родню осужденных, запрашивает копии их паспортов, метрики, биографии. Адвокатам по уголовным делам путь на зону тоже строго заказан. Защитнику там нечего делать, раз суд состоялся, приговор вынесен, срок капает день за днем. Что же остается? Разыграть придуманную партию, как по нотам, и не облажаться. Всего-то.

* * *

Мальгин открыл глаза, в комнате темно, как той ночью на кладбище. Он вытащил из-под подушки пистолет, снял курок с боевого взвода и выключил предохранитель. Глянув на светящийся циферблат наручных часов, подумал, что ненадолго задремал. Четверть первого ночи: что не успел сделать днем, придется закончить сейчас.

Поднявшись с кровати, он потянулся. И двигаясь в темноте медленно и осторожно, чтобы не приложиться лбом о стену, принес из прихожей портфель с бумагами, брюки и пиджак, валявшиеся на полу. Закрыв дверь в комнату, подошел к окну, опустил жалюзи, задернул плотные занавески. И только после этого зажег настольную лампу. Вытащив из ящика стола плотный целлофановый пакет, сунул в него бумаги, которые купил у милицейского подполковника, альбом с фотографиями, прихваченный из квартиры Онуфриенко. Крест на крест перемотал пакет широкой клейкой лентой, получилось что-то вроде почтовой бандероли. Опустив пакет в портфель, застегнул замок, влез в помятый костюм, повязал галстук и минуту рассматривал свое отражение в зеркале, висящем на стене. Костюмчик еще тот, сорочка не первой свежести, но для ночной прогулки и так сойдет. Сегодня в ночном клубе «Зеленое такси» смена бывшей жены Насти, это хороший повод заглянуть в кабак и заплатить алименты. Дочери Мальгина исполнилось восемнадцать еще в прошлом году. Но алименты он продолжал платить. По инерции что ли...

Через полчаса Мальгин вошел в клуб через служебный ход: к чему платить тридцать баксов, если можно пройти даром. Он тряхнул руку знакомого охранника и через длинный коридор, в котором через каждые три метра по стенам развесили огнетушители, прошел в зал.

Клуб «Зеленое такси» – это большой, вытянутый подвал, с полом и стенами, окрашенными темной эмалью, на стенах развесили мазню неизвестных авангардистов в белых рамах. Столики и стулья тоже белые. Получилось стильно. Здесь тусовалась пестрая публика, не слишком денежная, которая именвала себя столичной богемой. Попадались иностранцы, заходили приезжие, остановившиеся в ближней гостинице, но гости с периферии здесь подолгу не засиживались. Кормили в «Такси» плохо, поили того хуже. До полуночи музыканты, не сделавшие себе громких имен, играли музыку в блюзовых ритмах, затем верхний свет делали приглушенным. На круглую сцену выходили и, сменяя друг друга, крутились вокруг металлического шеста и задирали ноги стриптизерши, черненькие и светленькие, полненькие и худые. Все не

первой свежести с толстым слоем штукатурки на лицах, но по пьяному делу на такие тонкости внимания не обращаешь. Публике девочки нравились.

Барная стойка находилась в дальнем конце зала. Мальгин, помахивая портфелем, прошел между столиками, сквозь полупустой зал, издали послал бывшей жене воздушный поцелуй. Сразу видно, что этой ночью работы у Насти немного. На высоком табурете, уперевшись локтями в стойку, дремал седой мужчина в оранжевом свитере и джинсах, протертых до дыр. Время от времени он просыпался, чтобы сделать глоток из стакана, и снова погружался в негу сна. Сев на табурет, Мальгин, поставил портфель на колени, без долгих предисловий достал бумажник и положил на металлическое блюдечко пять сотен баксов. Барменша профессиональным движением смахнула купюры в карман фартука.

– Тебя где носило? – Надя сделала большие глаза. – Я все телефоны оборвала. Дома постоянно включен автоответчик, в твоей страховой шарашке бормочут что-то невразумительное. И вообще ты паршиво выглядишь, будто из больницы выписался...

Медников не пошел на обмен комплиментами. Надя облачилась в облегающую блузку с огромным вырезом, открывающим взорам посетителей чуть ли не всю грудь. Короткая юбочка и полупрозрачный фартук, похожий на ночную сорочку завершали туалет. Он подумал, что бывшая жена выглядела уставшей, под глазами расплылась синева, которую не спрячешь даже под слоем пудры, а на шее обозначились морщинки, ночная барменша – это не для Насти. Да и судя по ее словам, работа на этой помойке укорачивала жизнь, но другой работы не подворачивалось. Или бывшая супруга не очень-то хотела ее найти.

– Был в командировке, – закрыл тему Мальгин. – У меня просьба. Я оставлю пакет, ну, что-то вроде бандероли. Возможно, за этой ним придет человек. В этом случае я заранее позвоню. Хорошо?

– Отлично. Нужна мне твоя бандероль, как собаке пятка.

Мальгин вытащил из портфеля перехваченный скотчем пакет, привстав, положил его с другой стороны стойки. Он знал массу недостатков бывшей жены, но знал и одно достоинство: если Надя что-то обещает, то свое обещание держит.

– А то я смотрю, что ты сегодня слишком щедрый, – Настя спрятала пакет под стойку и ткнула острым ноготком в карман фартука, где лежали баксы. – Если ты даешь алименты, то хочешь получить какой-то бесплатный бонус. Ты съешь свои бабки и тут же что-то просишь взамен: «Опусти письмо», «Передай посылку», «Позвони по этому номеру», «Запрись со мной в подсобке на десять минут, я хочу трахнуться» и так далее.

– Запереться в подсобке я не предлагал.

– Предлагал, просто не помнишь. Ты был пьян в тот вечер и тебе хотелось...

– Ладно, не уточняй. А то вгонишь меня в краску.

– Тебя, пожалуй, вгонишь в краску... Кстати, о подсобке. Мы сегодня закрываемся на час раньше. Будний день, мало посетителей. Мог бы меня проводить до дома. Страшно по улицам ходить одной и вообще...

– Извини, как раз сегодня не могу.

Мальгин не впервые слышал от Насти предложение проводить ее до дома после работы. Проводить, конечно, можно... Но зачем повторять пройденное и заводить отношения с женщиной, с которой давно расстался, с которой у тебя все пройдено, с которой прожил едва ли не половину жизни.

– Как всегда «не могу», – Настя не смогла скрыть разочарования. – Завел себе кого-нибудь?

– Некогда было. В последнее время дел много.

– Так я и поверила. В таком случае, мог на минуту притвориться любящим отцом, спросить о ребенке. Не опух бы, задав вопрос.

– Как там Ленка?

– Она, чтобы ты знал, работает в геологической партии под Петрозаводском. Комаров кормит. И это мучение продлится аж до середины октября. Пока Ленка не простудит себе все органы. Детородные. Ненавижу все эти геологические экспедиции.

– Чем-то надо жертвовать, чтобы поступить в институт, – оборвал Мальгин, говорить о дочери не хотелось, он чувствовал себя ничемным отцом. – Она мечтает стать геологом. И я рад за нее. За успехи и еще за то, что именно сейчас Ленки нет в Москве. Потому что... Погода тут паршивая. Хуже, чем в Карелии.

– Налить чего-нибудь?

– Я бросил пить.

– С сегодняшнего вечера до завтрашнего утра? Понимаю, с тобой приступы трезвости случались. Правда, не часто. И длились недолго.

– Выпью, чтобы тебя не раздражать. Сделай мне «Рио-Риту», дай пачку «Житана» и бутылку туземского рома. Знаю, что вы не продаете на вынос бутылками, но эту штуку трудно достать. А мне она нравится.

Настя повернулась в пол-оборота к бывшему мужу, плеснула в высокий стакан туземского рома, который цветом смахивал на жидкий чай, но в голову ударял тяжело, как кувалда. Добавила два сорта сока, каплю анисовой, бросила кубики подтаявшего льда. Размешав это дело соломинкой, поставила стакан на заляпанную винными пятнами стойку.

– Все. Теперь отваливай от бара. Ты мне всех клиентов распугал.

Мальгин устроился за столиком рядом с эстрадой, поставив на пол портфель с литровой бутылкой, и стал наблюдать за девушкой, вертевшейся вокруг шеста. Он сосал «Рио-Риту» и смотрел, как стриптизерша, на которой из одежды были только трусики, спустилась с эстрады, встала перед ним, выпятив грудь.

– Молодой человек, хотите, я для вас потанцую?

Девушка из новеньких и свеженьких. В прежние времена Мальгин не видел ее в «Зеленом такси».

– Конечно, – кивнул Мальгин.

Женщина сделала несколько телодвижений, качая в ритм музыки полноватыми бедрами и перебирая плечами. Танец почему-то не возбуждал желаний. Возможно, после второго коктейля ему захочется посидеть в этом прокуренном зале хоть полчаса, расслабиться и поглазеть на стриптизерш. Но Мальгин подумал, что Настя, наблюдающая за ним, чего доброго, решит, что он клеит девочку на ночь. Бывшую жену, ревнивую и злопамятную, лучше не заводить попусту, по крайней мере до тех пор, пока у нее хранится посылка. А теперь нужно встать и отправляться в район Таганки на квартиру Елисеева, потому что возвращаться домой не следует хотя бы из соображений безопасности. Он достал из кармана двадцать долларов, вытянув руку, сунул деньги в трусы девушки.

– Спасибо, милая.

Он представил себе, как стриптизерша, оказавшись одна в гримерной, стягивает с себя единственный предмет одежды и голяком ползает по полу, собирая и пересчитывая мятые купюры, выручку, половину которой обязана отдать менеджеру. Мальгин, не допив коктейля, покинул клуб той же дорогой, через служебный вход.

* * *

В заведении «Волшебная лампа», открытом двадцать четыре часа в сутки, посетителям предлагали жареных кур и бутылочное пиво. Стекланный павильон, стоящий на отшибе от оживленных центральных улиц, не знавал наплыва посетителей и в обеденные часы, когда служивый люд выходил из контор в поисках удобоваримой пищи, а сейчас, глухой ночью, Мальгин оказался здесь единственным клиентом.

По дороге, уже подъезжая к дому Елисеева, он вспомнил, что во рту не было маковой росинки с самого утра, а холодильник хозяина квартиры наверняка пуст, поживиться будет нечем. Привычки начальника известны, пожалуй, всем сотрудникам службы безопасности «Каменного моста», которым доводилось обеспечивать «силовое прикрытие» его интимных встреч. Елисеев, встречаясь с любовницей один раз в неделю, по четвергам, всегда приносил с собой пакет с едой, ветчиной и сыром, да еще бутылку десертного вина, не слишком дорогого. Остатки ужина складывал в тот же пакет и отправлял в мусоропровод. Мальгин попросил водителя остановиться возле стекляшки с красивым названием «Волшебная лампа», сунул в потную лапу деньги и вышел из машины.

И вот он в пустом зале разглядывает заляпанную жирными пальцами карточку меню.

– Бифштеков нет, – повторил долговязый парень, официант, одетый в светлую рубашку и темные наглаженные брюки. – И не было.

– Но тут же написано...

– Это старое меню. Его с прошлой недели не обновляли. Есть только цыплята.

Официант принял заказ, что-то чирикнув в блокноте, и уже через пару минут составил с подноса на стол бутылку пива, прожаренного до черноты цыпленка, сдобренного томатным соусом, овощной салат с помидорами и тарелку с хлебом.

– И еще есть пироги, – официант, распахнув пасть, сладко зевнул. – Сегодняшние. То есть уже вчерашние.

– Тащи, – кивнул Мальгин.

– Остались только с капустой, и они немного того... Подгорелые. Но, в принципе, есть можно.

– Все равно, тащи. Тебе бы в рекламном агентстве работать. С такими талантами можно впарить покупателю любую гадость. Даже подгоревшие пироги.

– Вы думаете?

– Тут и думать нечего.

Официант не улыбнулся, отупев от одинокого ночного бдения, он туго понимал шутки. Все хозяйство «Волшебной лампы» неожиданно свалилось на него, не спавшего уже вторую ночь. В полночь старик, исполнявший обязанности повара, снял с себя фартук, без всяких объяснений закрылся в служебном помещении, повалился на диван и громко с присвистом захрапел. Охранник, попавший в ночную смену, пересидел повара на полчаса. Отгадав пару кроссвордов, сказал, что перекурит, вышел за порог и бесследно растворился во мраке ночи.

* * *

Засыпая на ходу, парень поплелся греть пироги в микроволновке. Наклонившись к тарелке, Мальгин укусил цыпленка, оказавшегося твердым и жилистым, будто до убоя его кормили измельченной резиной и опилками. Оторвав кусок мяса, налил в стакан пива, разломил и отправил в рот хлебный мякиш. По окнам закусочной забарабанили крупные дождевые капли, черная плоскость асфальта заблестела, отразив круги горящих уличных фонарей. Только этого дождя не хватало для полноты ощущений.

Мальгин, усвоивший привычку сидеть лицом к входной двери, поднял голову, когда в зал вошли два мужчины. Остановились на пороге, молча оглянулись по сторонам, будто выбирали столик. Со стороны могло показаться, что усталые путники, застигнутые непогодой, завернули на огонек, чтобы по братски разделить бутылку водки и жилистого цыпленка. Продолжая работать зубами, Мальгин исподлобья поглядывал на посетителей, застывших у двери, словно часовые на посту. Лет тридцать или около того, средней комплекции. Один в сером костюме и черной рубашке, волосы длинные, вьющиеся. Другой мужчина был одет в короткую кожаную куртку и спортивные штаны. Мальгин ничего не знал об этих людях, видел их впервые в жизни,

но опасность почувствовал кожей. Ему-то без очков видно, что эта парочка очутилась здесь не для того, чтобы раскроить бутылку.

Не поднимая головы, он скосил глаза за окно. Под крыльцом забегаловки топтались еще два парня, один очень плотный, в спортивном многоцветном костюме, другой высокий, в черных джинсах и голубой ветровке. Метрах в двадцати ниже по улице появился темный джип с выключенными габаритными огнями, номеров не разглядеть.

Налегая на цыпленка, Мальгин подумал, что пистолет сзади, под брючным ремнем. Оружие готово к стрельбе. Остается только вытащить ствол, выключить предохранитель и нажать на спусковой крючок. Посетителей отделяли от его столика полтора десятка шагов, с этого расстояния он не промахнется. Чтобы уложить этих парней хватит двух с половиной секунд. А дальше можно действовать по обстановке. Но начинать пальбу просто так, руководствуясь бессознательным чувством опасности, нет, это уже из области психопатии. Пуля – самое крайнее, последнее средство защиты, когда все другие способы спасти жизнь уже исчерпаны.

Мужчины, осмотревшись, поняли, что в зале никого нет, можно действовать. Не сговариваясь, они двинулись к Мальгину, остановились перед столиком. Мальгин сделал вид, что увлечен едой и не замечает присутствия посторонних людей.

– Эй, хватит жрать, как свинья, – сказал мужчина в сером костюме. – Надо выйти на воздух, побазарить.

Корочкой хлеба Мальгин слизнул томатную подливку с тарелки. Ясно, эти парни тут не для того, что его пристрелить, иначе бы действовали по-другому. С ним просто хотят поговорить. Вежливо побеседовать. Как поговорили с Онуфриенко в брошенном гараже. Возможно, Мальгина ждет худшая участь. Он будет умирать по маленькому кусочку, долго и больно. Двое, трое суток...

– К тебе обращаются, – человек в куртке тронул Мальгина за плечо.

– Ко мне? – Мальгин вытянул из пластикового стаканчика салфетку и вытер пальцы. – Это вы мне?

Мужчина в кожанке расстегнул «молнию» куртки. Кажется, он собирался вытащить пушку или перо.

– Тут других дураков тут нет. Только ты.

– Что вы хотите? – прикидывая, как лучше действовать, Мальгин выгадывал время.

– Чувак, не заставляй меня дергаться...

– Вам нужны деньги? – Мальгин изобразил испуг: полуоткрытый рот, дрожащие щеки, глаза навывкате. И подумал, что его актерские способности плохо развиты, играет он не слишком убедительно. Мальгин поднялся.

– Я отдам все...

– Портфель на стол. И расстегни его.

– У меня есть деньги. Бумажник в левом кармане. Я все отдам...

– Ты что совсем тупой? – мужчина в сером костюме сжал кулаки. – Ты полный кретин, завернутый на всю голову? Или как?

– Я просто... В моем бумажнике...

– Ты просто говно собачье. Урод недоделанный. Тебе, сука, говорят: портфель на стол.

Мальгин наклонился, поднял портфель. Поставив его на стол, неверной дрожащей рукой открыл замок. Мужчины наклонились к раскрытому портфелю. Этой секунды хватило, чтобы схватить со стола недопитую бутылку с пивом. Короткий замах, и бутылка разбилась о лоб мужика в кожанке. Пиво и мелкие осколки стекла брызнули по сторонам. Из-под куртки вывалился и полетел на пол пистолет ТТ. Трудно таскать большую пушку в штанах без ремня и с парой маленьких карманов.

Человек опустился на колени, затем боком повалился на пол, прижимая ладони к лицу. Из-под пальцев бежал кровавый ручеек. Рассечение от одного глаза до другого. Мальгин сде-

лал отмашку рукой, норовя проехать розочкой от бутылки по глазам парня в костюме. Но тот сумел увернуться, отклонив корпус назад, отступил на шаг и сунул руку за пазуху. Мальгин вскинул ногу, целя в коленку, но попал каблуком ботинка в бедро. Удар вышел смазанным. Противник охнул от боли, но устоял на ногах, оскалил зубы. Он не был высоким специалистом в кулачном бою, но не был и новичком. Мальгин подумал, что главное в его положении удержать противника на дистанции, не подпустить близко, не пойти на размен ударами. Если он пропустит пару мощных тычков кулаком в грудь, все кончится совсем плохо. Не срощи-еся ребра разорвут легкие и, может статься, из этой забегаловки санитары вытащат его вперед копытами.

Противник замахнулся правой, целя растопыренными пальцами в глаза или основание носа Мальгина. Но тот заблокировал удар и пошел на небольшую хитрость. Качнул корпусом влево и ударил левой. Кулак пошел снизу вверх и врезался в высоко поднятый подбородок противника. Человек вскрикнул, теряя равновесие, отступил, поскользнувшись на скользком кафельном полу, растянулся во весь рост. Кажется, он прикусил язык.

Мальгин бросился к двери, ведущей в служебное помещение, к той самой двери, за которой скрылся долговязый официант, на бегу перевернул стол. Он дернул на себя металлическую ручку. Толкнул дверь плечом. Но она не поддавалась. Ясно: официант, возвращаясь в зал с тарелкой разогретых пирогов, услышал возню, звон бьющегося стекла и, испугавшись, заперся в служебном помещении.

– Сука, – Мальгин застыл на месте, оценивая обстановку.

Парни, что топтались у крыльца, не сразу поняли, что в зале начался кипеш, а, поняв, рванулись вверх по ступенькам. Через пару секунд они уже проскочили входные двери. Мальгин бросился назад, в зал. Мужчина в сером костюме уже сидел на полу, и стонал, обхватив голову руками. Пробегая мимо, Мальгин врезал ему в лицо подметкой ботинка. Два амбала, дали своему противнику короткую фору, слишком долго соображая, как им действовать. С расстояния в пять метров Мальгин запустил в парней стулом, перемахнул прилавок, через секунду очутился в узком лабиринте темных и узких коридоров. Натолкнулся на стену, на запертую дверь... Кинулся вперед и столкнулся с официантом, сбив парня с ног.

Когда началась потасовка в зале, официант, действуя по инструкции, запер служебную дверь, погасил свет в служебных помещениях и, прижавшись спиной к стене, вытащил из кармана мобильный телефон. Он набирал номер милиции, но пальцы почему-то попадали не на те кнопки. Приходилось давать отбой и все начинать с начала.

Мальгин, наклонившись, нащупал плечи официанта, рванул на себя, поставил на ноги.

– Дверь, где дверь? – прохрипел Мальгин, раздавив каблуком трубку мобильного телефона.

Но малый то ли не узнал в темноте знакомого посетителя, то ли просто онемел. Размахнувшись, Мальгин влепил ему пощечину. Но это не подействовало. Официант, окончательно потеряв дар речи, промычал что-то невразумительное и впал в ступор. Мальгин оттолкнул официанта с дороги, тот полетел куда-то в темноту, сбивая спиной какие-то кастрюли и судки. Мальгин ощупью нашел заднюю дверь, оказавшуюся незапертой, толкнул ее, спрыгнул с крыльца. И, обогнув павильон, дернул вверх по улице.

С непривычки бежалось тяжело, будто на спине был рюкзак, плотно набитый кирпичами. Дыхание сбивалось, на лбу выступила горячая испарина, а боль, пронизывая правую ногу, напоминала о еще не зажившем колене.

Ноги уносили Мальгина все дальше от «Волшебной лампы».

Где он допустил ошибку? С какого момента эти парни следили за ним? Где взяли след? У дома, где же еще... Его пасли с того самого момента, когда он вышел из подъезда своего дома и отправился в «Зеленое такси». Но там в зале никого из этих субчиков не было, иначе Мальгин срисовал своих обидчиков. У него профессиональная зрительная память. Выходит, его ждали

на улице. Иного варианта нет. Мальгин вошел в клуб с портфелем, не пустым, увесистым портфелем. И вышел с ним же, унося с собой туземский ром. Он очень разочаровал этих мальчиков, когда открыл портфель и показал им не документы, а литровую бутылку какой-то бормотухи.

Пробежав метров пятьсот по пустой улице, Мальгин бросил короткий взгляд за спину. За ним никто не гонится, это плохой знак. Просто так эти парни не отступятся, не оставят его. Мальгин прибавил обороты. И уже через несколько секунд увидел впереди себя на асфальте собственную тень, двоившуюся в свете автомобильных фар. Его преследователи вот-вот догонят его, потому что оседлали свой джип. Значит, нужно лишить их этого преимущества. Мальгин, едва не пробежав поворот, свернув с улицы, нырнул в пространство между домами, узкий переулок, заставленный машинами.

Он слышал, как заскрипели тормоза, джип резко повернул, не вписавшись в поворот, ободрал какую-то машину, врезался левой стороной в контейнер с мусором, перевернув его на бок, и остановился. Хлопнули дверцы, Мальгин услышал внятную матерщину.

К счастью, он неплохо знал этот район. Он пересек сквер и побежал по темному двору вдоль пятиэтажных домов, спящих, с темными окнами. Каблуки стучали по асфальту. Мальгин подумал, что этих ботинках хорошо драться, у них узкий и твердый рант, одно верное попадание, и ломаешь противнику голень или выбиваешь колено. Но нет хуже бегать в такой обуви, подметки скользят, а каблуки стучат по асфальту так, что топот слышан на соседней улице. И сбросить обувь нельзя, не босиком же бегать. Мальгин слышал, как колотится сердце, как дыхание рвется из груди. Дождевые капли били в лицо, за спиной слышались голоса и топот ног.

Значит, он так и не оторвался от погони.

Глава шестая

Каблуки стучали по асфальту. Шел дождь, шумели мокрые тополя. Мальгин бежал и бежал вдоль темных пятиэтажек, все чаще оглядываясь назад. Погоня не отставала. Его преследовали трое мужиков, к тем двум, что караулили его у входа в «Волшебную лампу», а затем ворвались в зал, присоединился еще один тип, видимо, и водитель разбитого джипа.

На бегу Мальгин искал и не мог выбрать подходящий подъезд, в который нужно нырнуть. Подъезд мог оказаться его спасением, но, ошибись он с выбором, мог превратиться в смертельную ловушку. Мальгин медленно расчетливо сбавлял темп, сокращая расстояния между собой и бегущим впереди всех амбалом в спортивном костюме. Двести метров... Сто восемьдесят... Еще ближе... Преследователям должно казаться, что их будущая жертва выдохлась, Мальгин уже на последнем издыхании, почти в отключке и вот-вот упадет. Обессиленный, едва живой после сумасшедшего бега, этот придурок не придумал ничего лучшего, как забежать в парадное. Очутившись в подъезде, он станет барабанить, звонить в двери спящих жильцов в тщетной надежде, что какая-то добрая душа вызовет ментов. А те, разумеется, приедут уже через пять минут и спасут его. Наивный расчет. Но утопающий хватается за соломинку.

Тем временем его достанут, вытащат из укрытия, немного потопчут, свяжут руки, сунут в пасть грязную тряпку. А потом спокойно подгонят джип и повезут в какой-нибудь брошенный гараж или на пустующую дачу, чтобы спокойно разобраться с падлой по существу. И на том точка. План этих бандюков ясен и прост, но они не представляют себе, какие козыри держит в рукаве Мальгин. И сейчас его сдача.

Наконец он увидел то, что хотел увидеть. Распахнутая настежь дверь парадного, окно на втором этаже, точно над козырьком, приоткрыто на ширину ладони, света на всех этажах нет. Мальгин свернул направо, влетел в подъезд, прыгая через две ступеньки, оказался на площадке между первым и вторым этажом. Времени на то, чтобы выполнить задуманное, в обрез. Все по секундам. Поставив подметку на радиатор, Мальгин зацепившись рукой за стояк отопления, встал на батарею обеими ногами, потянул на себя створку окна. Забравшись на подоконник, спрыгнул на козырек подъезда. Поднял руку, привстал на цыпочки и прикрыл окно. Через мгновение он распластался на бетонной плите, мокрой от дождя.

Топот ног внизу, невразумительные ругательства, какая-то возня, плевики и новые ругательства. Все в порядке, он успел сделать главное.

– Говорят тебе, он сюда забежал, в подъезд.

– Но я видел...

– Да пошел ты, кофемолка. Он здесь.

Человек говорил медленно, низким, срывающимся на хрип голосом. Налетел ветер, зашумели деревья, слова сделались тихими, неразборчивыми. Видно, кому-то эта пробежка сорвала дышалку, выжала ведро пота. Мальгин медленно пополз к краю плиты. Теперь он лучше слышал людей внизу.

– Коля, ты останешься здесь. Паша, ты со мной. Поднимемся наверх, рубль за сто, он сидит на чердаке. Обгадился от страха и ждет, вонючка. В крайнем случае, если он ломанется на прорыв, стрелять этому хрену по ногам... Не в башку, не по яйцам. Только по ногам.

– Ясный хрен, по ногам, – отозвался кто-то из слушателей.

– А если у него тут квартира? Или кто знакомый живет?

– Да нет у него тут никакой квартиры. Он просто подышал на бегу. Ноги уже заплетались. Это же видно было. Блин, темно, как у негра в... И фонарика нет.

– У меня зажигалка.

Затаив дыхание, Мальгин слушал разговор и чувствовал, что брюки и рубашка на животе уже промокли насквозь. Дождевые капли падали на затылок и шею, капали с подбородка,

волосы повисли мокрыми сосульками. Послышались шаги. Значит, двое вошли в подъезд. Лифта в доме нет. На чердак они станут подниматься медленно и осторожно, шаг за шагом, пролет за пролетом, этаж за этажом. У него в запасе есть время. Не так, чтобы много времени, две, возможно, три минуты. На обратной дороге, побывав на последнем этаже, убедившись, что и там пусто, его преследователи наверняка заметят чуть приоткрытое окно между вторым и третьим этажом, что-то решат для себя.

Мальгин подполз к самому краю бетонной плиты, свесил голову и глянул вниз. Слава богу, Колей, оставленным на шухере, оказался не тот мордорот в спортивном костюме. Этот нормальной комплекции, среднего роста. Голубая ветровка, темные штаны. Стоит лицом к двери подъезда, переминаясь с ноги на ногу. В руках нет пушки. Он спокоен, уверен в себе и своих приятелях. Мальгин считал секунды. Сейчас парочка миновала первый этаж. Поднялась на второй. Осмотрели лестничную клетку, убедившись, что там ни души, стали подниматься выше. Николай вытащил сигареты, стал шарить по карманам в поисках зажигалки.

Пора. Готовясь к прыжку, Мальгин отжался руками от бетонной плиты, согнул корпус, подобрал колени к животу. Внизу вспыхнул оранжевый огонек зажигалки, Николай втянул в себя сигаретный дым. Мальгин прыгнул. Приземлившись, как и рассчитывал, на носки, все же не удержал равновесия, плюхнулся задом в лужу. Но тут же вскочил на ноги, рванулся вперед. Николай успел повернуть голову, стараясь понять, что за возня происходит за его спиной.

Но Мальгин уже разогнал кулак по траектории и всадил его в цель. Это был тяжелый прямой удар в голову, удар, который не оставил противнику ни единого шанса. Сигарета вывалилась изо рта, Николай, не успев сказать «ох» отлетел на метр вперед, брыкнув в воздухе ногами, тяжело повалился на асфальт. Перевернулся на спину и захрипел. Через мгновение Мальгин, расставив ноги, оседлал противника, сжав бедрами грудную клетку, от души приложил кулаком справа и слева. И опять справа. Бух, бух... Удары были глухими и тяжелыми. Голова Николая моталась из стороны в сторону, словно у китайского болванчика. Мальгин занес руку, но остановился.

Теперь из груди Николая выходило не человеческое дыхание, а тяжелые хрипы, будто он с переломанными шейными позвонками болтался на веревке, плотно сдавившей артерии, и переживал последние минуты агонии. Мальгин сунул ладонь под голову Николая, ощутив пальцами кровь, горячую и липкую, как смола. Кажется, этот малый, падая, саданулся затылком или виском об узкую полоску бордюрного камня, которым выложен прямоугольник возле подъезда. Неудачное падение. Хуже не бывает. Мальгин вытер испачканную кровью ладонь о голубую ветровку Николая.

Наверное, те двое, что зашли в подъезд, уже добрались до верхнего этажа и теперь собираются идти обратной дорогой. Николай хрипел все тише, дыхание сделалось поверхностным, едва ощутимым. Фиолетовые зрачки глаз закатились под лоб. Мальгин нерасчетливым ударом убил человека, который весил на десять килограммов меньше его, человека, не готового к активному сопротивлению. Врезал так, будто в его кулаке была зажата тротиловая шашка или граната, – насмерть. Ночная пробежка закончилась мокрухой.

Теперь нужно, не мешкая лишней секунды, убираться отсюда, и подальше. Мальгин, расставив ноги, продолжал сидеть на своей жертве. Он расстегнул «молнию» голубой ветровки, запустил руку под куртку. Нашупав бумажник, вытащил его и сунул в карман пиджака. Больше ничего нет. Встав на ноги, Мальгин наклонился, обшарил брюки умирающего. За поясом пистолет ТТ, есть еще выкидной нож. К черту пистолет. И нож к черту. А вот какие-то бумажки, затрепанные, старые. Мальгин переложил их в свой карман, прислушался. Кажется, на лестнице слышны шаги и тихие голоса. Спускаются...

Он рванулся вперед, в темноту сквера, разбитого перед домом, продрался сквозь колючие мокрые кусты, чуть не грохнулся на землю, наступив на пустую бутылку, но чудом удержался на ногах. В этом сквере, кочковатом и темном, не долго и ногу сломать. Но бежать по асфальту

нельзя, его выдаст топот каблуков. Мальгин знал, что преследовать его не станут. Не рискнут, потому что жизнь у человека только одна. Натолкнутся на тело своего товарища, и отпадет охота гоняться за опасным противником. Теперь, изменив направление, Мальгин бежал не в темноту спящих дворов, а к улице, к свету. Отсюда, если взять напрямик, два-три квартала до нужного дома, считай, рукой подать.

* * *

Остаток ночи Мальгин провел на кухне Елисеева. Стянув с себя грязную одежду, он постирал брюки и рубашку в ванне и пристроился за столом у окна. Он пил кисловатый растворимый кофе, наблюдал, как занимается мутный рассвет, а ветер треплет мокрые деревья. Во время их последней встречи следователь Владимир Закиров пообещал, что Мальгина прихлопнут бандиты, как только тот вылезет на белый свет из ведомственной больницы. Этому Закирову надо не штаны протирать за конторским столом, а предсказывать судьбу за деньги, он быстро разбогатеет, потому от клиентов не будет отбоя. Накаркал. Все сбывается.

Но остается вопрос: кому это нужно, кто создает Мальгину новые проблемы? Версию о том, что Витя Барбер натравил на него своих дружков, отпадает. В этих действиях нет ни логики, ни смысла. Какими ценными сведениями располагает Мальгин, что он знает такого, чего бы не знал сам Барбер? Витя хочет убрать нежелательного свидетеля? Избавиться от человека, принимавшего участие, руководившего его побегом с зоны? Опять не клеится. Так свидетелей не убирают, за ними не колесит по городу, не гоняется по дворам толпа вооруженных мордovorотов. Эти проблемы решают парой выстрелов в подъезде или взрывным устройством, заложеным под сидение автомобиля. Да и никто, кажется, не собирался мочить Мальгина в той забегаловке «Волшебная лампа» или на улице. С ним пытались поговорить, его хотели оставить живым, по крайней мере, до поры до времени. Ясно, что Барбер здесь ни при чем.

И снова тот же вопрос: кому нужны жизнь или смерть Мальгина? Ответ он пытался найти, копаясь в карманах умирающего человека. Что в итоге? Кожаный бумажник с потертыми углами, набитый мелкими купюрами. В одном из кармашков водительские права на имя некоего Трубина Леонида Евгеньевича, тридцати одного года от роду, уроженца и жителя Москвы. Не имя – пустой звук. Этого типа Мальгин прежде в глаза не видел. Чем занимался этот Трубин, на кого работал и чей заказ выполнял прошлой ночью? Ответов нет. Бумажки, из кармана брюк, оказались квитанцией на ремонт видеоманитона «Панасоник», сданного в фирменную мастерскую, и счетом из ресторана «Якорь». Там господин Трубин ужинал неделю назад. Сумма весьма скромная, видимо, в еде и выпивке покойный не позволял себе излишеств, то ли берег спортивную форму, то ли просто был экономным человеком, считавшим каждую копейку. Как знать. Ведь самого Трубина об этом уже не спросишь.

Ясно одно: совершив неумышленное убийство, Мальгин здорово осложнил свое существование. Теперь друзья Трубина будут искать его с удвоенной энергией, чтобы поквитаться, заплатить кровью за кровь. Надо исходить из худшего: рано или поздно они узнают адрес квартиры Елисеева, и нагрянут сюда. На это уйдет время. Два-три дня можно жить спокойно, а там придется менять лежбище.

Больше думать не о чем. Мальгин, решив, что не помешает подремать пару часов, отправился в спальню, стащил шелковое покрывало с огромной кровати с высокой белой спинкой, повалился поперек нее и, закрыв глаза, досчитал до тысячи, а потом начал отсчет в обратном порядке, дошел до нуля, но не сонливость не приходила. Мягкая подушка, в которой глубоко тонула голова, насквозь провоняла женскими духами, удушливым восточным запахом, от которого начинала побаливать голова. Застоявшийся воздух был пропитан ароматом сандалового дерева, персиковой косточкой и миндалем. Видимо, любовница Елисеева обожала всякие восточные благовония, а в постель ложилась, предварительно сполоснув голову в тазике с

духами. Мальгин встал, распахнул настежь форточку и снова грохнулся на кровать, пружины, едва не лопнув, запели на разные голоса.

Он лежал, слушал шум дождя, понимая, что заснуть не удастся.

* * *

Такие же ненастные дождливые дни стояли прошлым летом под Иркутском. В просторной избе, где адвокат Левин и Мальгин сняли комнату с двумя железными кроватями и облупившимся от полировки зеркальным шкафом, других постояльцев не было. Старуха хозяйка баба Нюра, по натуре жадина и стяжательница, ломила такую цену, будто предлагала постояльцам не убогую комнатенку, а пентхаус «Метрополя». Зато бабка не докучала лишними вопросами и подолгу отсутствовала в доме.

Каждое утро Мальгин и Левин встречали возле зонной вахты, ожидая свидания с Витей Барбером. Возле КПП толпились женщины, матери и жены зеков, получивших разрешения на длительные личные свидания с мужьями и сыновьями, сидевшими за колючкой. Ровно в семь на крыльцо выходил хмурый прапорщик, пришпиливал кнопками к доске объявлений список лиц, которым свидание разрешено уже сегодня. Фамилии Левина и его помощника Клинецвича в списке не значились. Юрист пытался ускорить события, переговорив с прапорщиком, но тот отвечал, что всему свой черед, соответствующая бумага подписана, но от заместителя начальника колонии по режиму не поступало устного приказа насчет Левина. Ждите. Потратив утро без всякой пользы, возвращались в избу на окраине поселка, где хозяйка встречала их сковородой картошки, пережаренной с луком, и вопросом, выпьют ли гости с утра ее самогонки. Мальгин пить отказывался, Левин проглатывал стакан и отправлялся в комнату доглядывать ночные кошмары.

Лагерное начальство, чтобы предотвратить торговлю водкой на зоне, своим волевым решением ввело в поселке сухой закон. Этим подарком судьбы пользовалось все местное население, толкавшее самогон собственного производства солдатам, вольняшкам, работавшим на зоне, и приезжим, всем без разбора. Бабка тоже не оставалась в стороне от малого бизнеса. Перед полуднем, когда в поселок прибывал единственный рейсовый автобус из районного центра, она, заталкивала в корзинку несколько поллитровок с бумажными затычками, заботливо укрывала их платком и отправлялась куда-то, чтобы вернуться уже под вечер с пустой кошелкой. Время от времени возле автобусной остановки на самогонщиков устраивали настоящие облавы, в такие дни старуха приходила рано, вся в слезах. Ворочая в печке чугуны и переливая из емкости в емкость подошедшую брагу, она стонала и жаловалась на радикулит и скудную копеечную жизнь.

Неряшливую стряпню, что бабка ставила на стол вечером, Мальгин кое-как засовывал в себя, но Левин потреблять категорически отказался. Он завтракал и обедал в чайной, расположенной на центральной площади поселка. Там же помещался единственный на всю округу очаг культуры, тесный зал, что-то вроде клуба, где вечерами крутили по видеку не боевики, а эротико-порнографические фильмы, выпущенные на каких-то подпольных киностудиях и купленные в Иркутске. С наступлением сумерек зал до отказа набивали солдаты срочники, охранявшие зону и попавшие в увольнение, и местные подростки, не достигшие шестнадцати лет. Левин, совершенно ошалевший от вынужденного безделья, проливных дождей и бабкиного самогона, надевал длинный плащ и таскался в клуб ежедневно, как на работу, просиживая там до темноты. Возвращался разочарованным и опустошенным.

Он съедал пару булок, купленных в чайной, ложился на койку и долго глядел в потолок мутным взором. В комнатах витал густой самогонный дух. Бабка на своей половине гремела ведрами с брагой.

«Нет, больше смотреть порнуху не пойду. Куда мне деваться со своими неудовлетворенными желаниями после этих фильмов?» – обречено вздыхал Левин. «Ну, так не ходи», – отвечал Мальгин. «Не ходи... А хрена тут тогда делать? – взрывался Левин. – Свидания с Барбером не дают. И сколько еще нам ждать, чтобы я с тоски удавился? Сутки, неделю, две? Не известно. Нет, так жить не возможно... Сил нет так жить. А свободную бабу тут не найдешь. Не купишь ни за деньги, ни за подарки. Мужиков в поселке в три раза больше, чем баб. Даже в четыре, в двадцать четыре. Что поделаешь... Перекосы демографии». «Ну, баба – это не проблема, было бы желание», – ответил как-то Мальгин. Выслушав это сообщение, Левин даже поднялся с кровати и пересел на стул.

«Но сначала хочу, чтобы до тебя дошла одна штука, – стал объяснять Мальгин. – Здесь провинция. Старая добрая провинция. Тут много богатых, достойных подражания традиций. Ну, скажем, если ты пригласил женщину в чайную или даже на просмотр эротического фильма, прошелся с ней вокруг клуба, то...» Мальгин выдержал драматическую паузу. «Что „то“?» – переспросил адвокат. «То обязан на ней жениться. Такова традиция». Мальгин заржал по лошадиному. Левин обиделся всерьез. «Пошел ты со своими смехуечками», – он сновал лег, отвернулся к стене и накрылся с головой пропахшим самогоном ватным одеялом. Адвокат очень болезненно воспринимал остроты, касавшиеся женитьбы или разводов. Как считал Левин, во всех его жизненных бедах и неудачах виноваты бывшие жены, корыстолюбивые жадные суки, пустившие его по миру.

На следующий день они в который раз не получили свидания с Барбером. Пережив еще одно душевное расстройство, юрист не двинул в клуб, как обычно, а заменил культпоход большой бутылкой бабкиного самогона и нажрался, как свинья. Ночью часто выходил на крыльцо, вставал на колени и блевал сверху на грядку с укропом. Дело кончилось тем, что Левин, совершая очередной рейс, упал в сених, споткнувшись о ведро с брагой, до крови рассек правую бровь и поставил фонарь под глазом.

* * *

Эти дни, заполненные дождями, пьянством Левина и бесконечным ожиданием, не прошли впустую для дела. Мальгин тайно встретился с неким Алексеем Васильевичем Дикунном. Встреча происходила недалеко от центральной поселковой площади, на задах так называемого клуба, когда народ уже разошелся по домам, а Левин, набравшись самогона, храпел в бабкином доме.

Мальгин убедился, что зона кормит много вольного люда. Одним из таких вольняшек, устроивших свою жизнь и быт по соседству с колонией, был и Дикун, мужик лет пятидесяти пяти. Худой, среднего роста, с большой плечиной, светящейся в темноте, как молодая луна, он одевался словно лагерник, в старую телогрейку, во многих местах по неаккуратности прожженную сигаретой, брезентовые штаны и кирзовые стоптанные сапоги с обрезанными голенищами. Дикун работал в столярном цехе при зоне мастером производственного обучения, получал приличную зарплату, имел множество приработков на стороне, но денег, разумеется, не хватало. Он не только ведал учебным процессом, но также закупал мебельную фурнитуру и реализовывал готовую продукцию мелким оптовикам, завышая расценки на мебель, разницу клал в карман. Впрочем, все его приработки казались лишь мелкими хлебными крошками в сравнении с тем жирным куском, что сейчас сам падал в руки.

Барбер близко познакомился с Дикунном несколько месяцев назад, прощупал его, убедившись в патологическом корыстолюбии мастера, предложил ему честную сделку: помогаешь мне с побегом, и мой человек платит тебе двадцать тысяч долларов за пустяковую услугу. Никакого риска. Половина денег на руки дают вперед, и не твоя забота, выгорит дело или

накроеся одним местом. После долгих мучительных торгов, которые продолжались неделю, Дикун согласился рискнуть за двадцать шесть тысяч долларов.

Разговор проходил почти в полной темноте, возле клуба горел единственный на всю округу фонарь. Лил дождь, возле зоны лаяли и выли сторожевые собаки. Мальгин передал пачку денег. Дикун, светя фонариком, долго мусолил купюры, считал и пересчитывал, глядел на свет. Наконец засунул их под телогрейку, стер ладонью с лысины капли влаги и сказал: «Вы бы прибавили штуку. Ну, нехорошая это цифра – тринадцать. Нет, я не суеверный, но все-таки. И у меня четверо детей, жена сильно болеет. Лежит бедная, не встает уже месяц. На одних лекарствах разорился». Дикун по своему обыкновению врал, детей у него было двое, а жена вторые сутки как уехала в Иркутск на толкучку за обновками. Разговаривал он тихим придушенным голосом, с жалобной нотой. Мальгин, разумеется, не поверил ни единому слову мастера, но торговаться не стал, полез в карман и отслонявил еще пять сотен.

«А вы меня не обманите? – снова стал канючить Дикун. – Со второй частью суммы не получится накладки? А то знайте наперед, что я вас лично вместе с Барбером заложу. Первым заложу. Далеко уехать не успеете. Напишу объяснилочку, так и так: угрозами заставили пособничать. Детей моих единоутробных хотели жизни лишить. Мне что? Как с гуся вода. Выговор по работе объявят. Потому что хорошего мастера по мебели во всей округе не найдешь. А факт получения от вас денег, он не доказанный. Я-то утрусь. А вам вилы выйдут, зона». «Все твое будет, как Барбер обещал», – ответил Мальгин, он знал, что Дикун не получит больше ни копейки и, разумеется, не станет стучать, потому что в противном случае сам приземлится на нары. Завершив денежные счета, перешли к делу, уточнив, что и как должен сделать мастер в день побега. Разошлись за полночь довольные друг другом.

Еще одним участником операции был Карен Рубенович Мурзаян, водитель хлебного фургона, тридцатилетний уроженец Степанакерта, неизвестно каким ветром занесенный в сибирскую глухомань. О Мурзояне было известно не так уж много: семь родственников в этих краях у него нет, не судим, не наркоман. Аппетиты Мурзояна, рисковавшего больше других, оказались куда скромнее, чем у мастера Дикун. Водитель «ЗИЛа» получал вперед десять штук и на том остановка.

В назначенный срок он должен, как обычно, привезти на зону свой хлебный фургон, поставить его под разгрузку возле столовой и ждать, когда рабочие кухни вытащат хлеб, а затем перенесут обратно в грузовик пустые поддоны. Своей пекарни ни на зоне, ни в поселке не было. Хлеб привозили из населенного пункта, расположенного в двадцати с лишним километрах от колонии. Половину хлеба разгружали возле сельского магазина, другая половина уходила на зону. Фургон «ЗИЛ», на котором шоферил Мурзаян, принадлежал пекарне, что не мешало водителю распоряжаться грузовиком, как своей собственностью, выполнять за деньги или за конфискованный самогон мелкие поручения начальства колонии. Случалось, он перевозил на «ЗИЛе» готовую мебель или заготовки, сработанные в мастерских. В день побега, в полупустую машину по просьбе Дикун должны были загрузить несколько кухонных «пеналов», табуретки и скамейки, чтобы затем вывезти это добро в Иркутск, в хозяйственный магазин при рынке.

Барбер, год назад пристроившийся на хлебную должность рабочего при кухне, сначала спрячется за пустыми поддонами из-под хлеба. А позже, когда грузовик переедет с жилой зоны на производственную и развернется погрузка мебели, в общей суматохе и спешке, переползет в один из «пеналов» и закроется в нем. Место в кабине рядом с водителем займет Дикун. Машины, въезжающие на территорию колонии и покидающие ее, обыскивают на КПП, в так называемом шлюзе, пространстве между двойными воротами. Этот шмон давно превратился в пустую формальность. Мурзояна, который доставлял в колонию хлеб в течение двух с половиной лет, там хорошо знали, ему доверяли, присутствие Дикун, часто вывозящего свою мебель в город, должно окончательно усыпить бдительность контролеров. В пиковом случае с мастера

и водителя взятки гладки: все концы они повесят на Барбера, мол, зек сам залез в фургон и спрятался в шкафчике.

Беседа Мальгина с водителем «ЗИЛа» состоялась под вечер следующего дня возле почты. Промозглый дождь превратил дороги в месиво из грязи, над дальними сопками мерцали отблески молний, но все это не омрачало приподнятого настроения Мурзояна. Получая деньги, он, не скрывая радости, улыбался, рассказал пару старинных анекдотов и даже предложил московскому гостю хлопнуть стакан самогона. «Спасибо, у нас хозяйка свой первач делает. Высшего сорта», – отказался Мальгин. Казалось, Мурзоян, уже подкопивший денег, готов был, нарушив все обязательства, тут же вспорхнуть, пушинкой улететь в какие-нибудь далекие теплые края, где много моря и солнца, куда милиция не дотянет свои длинные руки. После побега Барбера он так и поступит, бесследно исчезнет, растворится в человеческом море, а пустой фургон «ЗИЛ» милиция обнаружит в Иркутске на проспекте Победы.

Еще через пару дней наконец разрешили свидание с Барбером. Встреча проходила в небольшом одноэтажном доме, стоявшем рядом с КПП, в комнате свиданий, больше напоминающей тюремный следственный кабинет. Здесь же присутствовал невыспавшийся прапорщик, заняв стул у окна, он положили ноги на подоконник и, чтобы не заснуть, стал лузгать семечки, сплевывая шелуху в бумажный кулек. Левин разложил на столе перед Барбером документы, уже оформленные в Москве, дарственную, где не хватало только подписи теперешнего хозяина земельного владения, а также план дома и дачного участка. Мальгин, не понимавший, в чем заключается роль помощника адвоката, дублировал вопросы, которые задавал Левин и с умным видом что-то чирикал в блокнотике.

«Значит, сад – это тридцать стволов плодовых деревьев? – задал очередной вопрос Левин. – Так указано на плане участка». «Именно тридцать стволов?» – переспросил Мальгин. – Не больше и не меньше?" Услышав слово «стволы» прапор вздрогнул на своем стуле, убрал ноги с подоконника, стал внимательно прислушиваться к разговору и приглядываться к юристу. «Раз на вашей картинке тридцать деревьев, значит, так оно и есть, – ответил Барбер. – Я их не считал». Итак, побег назначен на тридцатое число, понятно. Он готов. «Тогда распишитесь здесь и вот здесь», – сказал Левин. «Распишитесь здесь», – тупо повторил Мальгин, придвигая бумаги к Барберу.

Прапорщик, наострив уши, сидел прямо, не отрывая взгляда от адвоката. Внешность Левина не внушала доверия. Одет хорошо, по-столичному, но этот фингал под глазом, эти руки, дрожащие с перепоя... Как-то странно все это, подозрительно.

Позднее показания прапорщика, присутствовавшего на личной встрече, будут подшиты к розыскному делу, а Левин станет главным подозреваемым в организации побега Барбера. По запросу начальства колонии, юриста начнут искать в Москве, на квартирах его бывших жен и любовниц, в адвокатской конторе «Левин и сыновья», закрытой на всякий замок. Но вскоре выяснят, что адвокат, имевший израильское гражданство, вылетел на историческую родину и выдернуть его оттуда нет никакой возможности. Следы адвокатского помощника гражданина Клинецевича Эдуарда Игоревича вообще потерялись неизвестно где, будто этот человек и не жил на белом свете.

* * *

Под вечер Мальгин добрался электричкой до подмосковного поселка Апрелевка и быстро нашел пятиэтажный дом из силикатного кирпича, в котором жила Катерина Комкова, последняя любовница Барбера. Дверь открыла коротко стриженная платиновая блондинка лет двадцати пяти, одетая в домашний халат, расписанный иероглифами и китайскими зонтиками.

– Вы Екатерина Юрьевна? Моя фамилия Мальгин.

– Первый раз слышу. Чем обязана?

– Нам надо пошептаться об одном важном деле, – Мальгин и вправду перешел на шепот. – Но только не на лестнице. Можно войти? Буквально на пять минут.

Хозяйка не ждала гостей, смерив незнакомого мужчину оценивающим взглядом, она что-то решила для себя и, раскрыв дверь, пропустила его в квартиру. Скинув ботинки, Мальгин прошел на кухню, тесную и грязную, присел к столу, поджав ноги под табурет. Комкова встала у стены, скрестив руки на груди, она ждала объяснений, давая понять, что времени у нее мало, а настроение плохое.

– Я, собственно, мог позвонить вам. Но такие разговоры не хочется вести по телефону. Поэтому я здесь. Пришел сказать вот что. И прошу передать мои слова Вите Барберу...

– Не знаю я никакого Барбера, – Комкова прищурилась, как дикая кошка. – А тебе, кажется, пора вытряхиваться отсюда. Ты ошибся адресом.

– Послушайте...

– Ничего слушать не хочу. Убирайся.

– Никуда не уйду, пока не скажу того, что хочу сказать, – покачал головой Мальгин. – Не для того я сюда из Москвы перся. Вы обещали мне пять минут.

– Может, я тебе еще потрахаться обещала, а? За бесплатно?

– Этого не было.

– Тогда сгинь с глаз моих. Если ты сам не уберешься, тебе помогут. В соседней квартире живут два брата, спортсмены штангисты, которые обожают ломать ноги всяким придуркам. Сейчас я их позову. Доковыляешь до станции на сломанных ходулях.

Высказав свою угрозу, Комкова не тронулась с места, не побежала вызывать спортсменов костоломов, только ее глаза сделались еще темнее, еще злее.

– Просто послушайте и не перебивайте, – попросил Мальгин. – Барбер наверное уже знает, что Кривого убили. Я побывал у него на квартире и нашел альбом, откуда вырезали несколько фотографий. Я предполагаю, что на этих снимках был человек или люди, которые и замочили Онуфриенко. Барбер и Онуфриенко старые друзья. Барбер наверняка помнит людей с фотографий. Скажите ему, что этот альбом он может получить в клубе «Зеленое такси» у барменши. Ее зовут Настасья. Пусть только скажет, что он от меня. Передашь?

– Как ты узнал мой адрес?

– Ну, это просто. После того, как Барбер очутился на воле, он жил на квартире, которую для него сняли. А я приглядывал за ним. Оттуда мы разрешили ему сделать несколько звонков. Он общался с Кривым. И два-три раза с вами. Обещал, что вы скоро встретитесь. Наверное так оно и случилось. Встреча состоялась. Или я не прав?

– Пошел ты... Своей жене задавай такие вопросы. Ты у двери телефонный разговор подслушивал?

– Не важно. Я отследил звонок и выяснил адрес.

– Теперь ты все сказал?

– Все. Поэтому ухожу.

Мальгин поднялся, вышел в прихожую, натянул ботинки и открыл замок. На пороге он оглянулся.

– Передай Барберу, чтобы был осторожнее. За ним охотятся. Не только менты, но и убийцы Онуфриенко.

Глава седьмая

Следователь ГУВД Владимир Русланович Закиров уже в третий раз встречался с хозяином страховой компании «Каменный мост», и сегодня окончательно убедился, что Елисеев патологический лжец. Врать он не умеет, но очень старается. Отвечает на вопросы, выдерживая паузы, осмысленно, взвешивая каждое слово. Он хочет выглядеть деловым уравновешенным человеком, с головой погруженным в проблемы своей конторы, человеком, немного не от мира сего. Положил предплечья на столешницу и сцепил пальцы, чтобы следователь не заметил, как играют руки. Старый трюк.

Елисеева выдают бегающие по сторонам глаза, произвольные жесты, которые совершают люди, говорящие неправду. Время от времени он покашливает в кулак, почесывает кончик носа и оттягивает воротник сорочки, будто безвкусный галстук, красный, расшитый какими-то желтыми тараканами, слишком тесно сдавливает шею. Врать Елисеев не умел, и поймать его на лжи не самая сложная задача.

Закиров, договорившись о встрече накануне, не вызвал свидетеля в прокуратуру, сам явился в кабинет Елисеева, чтобы провести очередной допрос, на этот раз без протокола, в форме доверительной беседы. Часто этот прием срabатывает. Когда люди видят, что каждое их слово не записывают на бумагу, не заносят в протокол, они ведут себя свободнее, порой вспоминают такие вещи, которые кажутся забытыми навсегда. На этот раз фокус не удался. Закиров изображал из себя своего парня, сочувствующего человеческому горю, готового расшибиться в лепешку, лишь бы найти и привлечь преступников, а Елисеев по-прежнему бессовестно врал.

– Я навелит Мальгина в больнице, – сказал Закиров. – Мы поболтали о том о сем. Он не вспомнил ничего интересного о том, что произошло на кладбище в ночь на десятое августа. Точнее, не захотел ничего вспомнить. Обычная песня: упал, ушибся, голова болит... И так далее. А на следующий день выписался под расписку. И пропал.

– Вот как? – Елисеев удивленно вскинул брови. – Надо же...

– Он появлялся здесь, в вашей конторе?

– Нет, не заходил. Во всяком случае, я его не видел.

– А вот милиционер, который дежурит внизу, утверждает обратное. Мальгин поднимался к вам в кабинет и...

– Ах, да, – Елисеев шлепнул себя ладонью по лбу. – Теперь вспомнил. Он действительно заходил позавчера. Что-то объяснял насчет больничного листа. Господи, столько дел, что всего и не упомнишь. Понимаете, Мальгин всего лишь сотрудник службы безопасности. Я не могу, не имею физической возможности следить за каждым человеком.

– Разумеется, за всеми не уследишь, – улыбнулся следователь. – Но Мальгин, он не просто клерк из конторы. Он единственный свидетель, очевидец убийства вашего брата. Боюсь, если мы не найдем Мальгина живым, все осложнится. Убийцы смогут уйти от расплаты.

– Да, да... Конечно...

– О чем с вами говорил Мальгин?

– Попросил немного денег взаймы. На лечение. Я не смог отказать.

– Это весь разговор?

– Да. Он взял деньги и ушел.

– Он пробыл здесь, в вашем кабинете, один час с минутами. Так долго просил денег? Или вы отказывались давать, а он вас уговаривал? Настаивал на своем?

– Нет. С деньгами вопрос решили быстро, – Елисеев почесал кончик носа. – Я не мог отпустить его сразу. Это как-то неловко. Просто поговорили о его здоровье, о самочувствии. Ведь человек пострадал, получил серьезные травмы.

– Ну, не такие уж серьезные, как вам кажется. Кстати, я очень сожалею, себя ругаю за то, что не взял с Мальгина подписку о невыезде.

С того первого дня, когда Закирову поручили расследование дела о взрыве на кладбище и двух трупах, найденных на месте происшествия, он рассчитывал, что Елисеев, потерявший младшего брата, станет его добрым безотказным помощником. Ведь кто как ни он заинтересован, чтобы убийцы были найдены, изобличены, чтобы заседатели намотали им максимальные сроки, предусмотренные Уголовным Кодексом. Но все вышло наоборот, глава «Каменного моста» еще во время первой встречи, состоявшейся в следственном кабинете, повел себя странно. Он ничего не знает, ничего не помнит, а если что и помнит, то неточно. Во время того первого знакомства Закиров исписал всего полторы страницы протокола допроса свидетеля и поставил точку, решив отложить дознание до лучших времен. Во время второго допроса задал те же вопросы и получил все те же ответы, сволочные и тупые в своей лживости. Опять набралось полторы странички.

Эту странную неосведомленность в делах погибшего брата, девичью забывчивость, следователь объяснил просто: человек не оправился после постигшей его потери. Он еще оклемается и расскажет много интересных вещей. Надо немного потерпеть. Но дни шли за днями, неделя следовала за неделей, а Елисеева продолжал темнить.

– А теперь давайте вернемся к событиям, которые предшествовали взрыву на кладбище. Где находился ваш покойный брат вечером девятого августа? В прошлый раз вы ничего не вспомнили. А сейчас? Он провел тот вечер в компании с Мальгиным?

– Я не знал распорядок дня брата. И уже говорил об этом. Не знаю, с какой целью они поехали на кладбище и занялись раскопками.

– Кто был тем четвертым человеком на кладбище?

– Вы уже спрашивали об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.